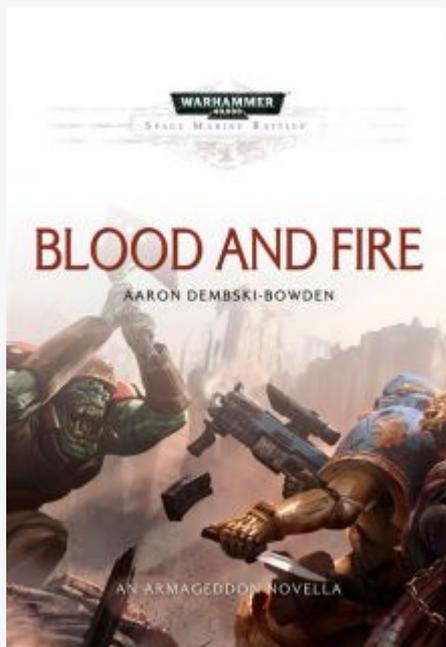

Кровь и огонь / Blood and fire (новелла)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Кровь и огонь / Blood and fire (новелла)

Автор	Аарон Дембски-Боуден / Aaron Dembski-Bowden
Переводчик	Хелбрехт
Издательство	Black Library
Серия книг	Битвы Космического Десанта (серия романов) / Space Marine Battles (Novel Series)
Входит в сборник	Война за Армагеддон: Омнибус / War for Armageddon: The Omnibus
Предыдущая книга	Сезон теней / Season of Shadows
Год издания	2013
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Содержание

Пролог
Первая глава
Вторая глава
Третья глава
Четвёртая глава
Пятая глава
Шестая глава
Седьмая глава
Восьмая глава
Девятая глава
Эпилог

Пролог

Эти слова, эта ложь

Гримальд. Они солгали нам об ущелье Манхейма. Они отправили нас на смерть.

Ты знаешь, о ком я говорю. Нам не убежать от эха Кхаттара. Сейчас мы расплачиваемся за былую добродетель.

Мы – сыны Дорна и нам не ведомо, что такое капитуляция, даже если победа невозможна. Нас беспокоит несправедливость. Бесчестье. Если и можно сказать, что мы чего-то боимся, так это то, что ложь очернит наше наследие.

И если Имперцум вообще будет вспоминать о нас, то только как об одном из самых страшных поражений человечества. Но не мы подвели людей, а люди себя. Слабые мужчины и женщины с ожесточившимися сердцами и предубеждёнными умами увидят нас мёртвыми ещё до рассвета.

Да будет так.

Наши враги не ходят при свете дня, где могут встретиться с нашими клинками. Они воистину в тених, но занимают властные позиции в иерархии человечества настолько выше нас, что просто бессмысленно пытаться узнать их имена. У них достаточно и власти и влияния, чтобы обмануть нас. Так они и поступили.

Небесные Львы никогда не покинут эту планету. Нас осталось совсем немного, но мы знаем правду. Мы погибли в ущелье Манхейма. Мы погибли в день, когда солнце взошло над металлическими тушами инопланетных богов.

Первая глава

Сезон огня

Нас предупреждали, словно нам нужны были предупреждения, не выходить наружу во время бури. Погода была такой, что обжигало незащищённую плоть. Броня защищает нас от стихий, но не продержится долго. Песчаный ветер уже успел содрать священные цвета, оставив нас в непокрашенных латунно-серых доспехах без геральдических изображений. На миг я задумался, не было ли в этом какой-то метафоры. Если и была, то нужен кто-то с хорошим чувством юмора, чтобы её уловить.

Подбитый десантно-штурмовой корабль разбился, блок памяти разлетелся вдребезги, всё оружие сорвало во время грубой аварийной посадки. Напротив приземлилась “Валькирия”, которую мы получили в 101-м Стальном легионе. Она сутулилась на песке, словно заскучавшая ворона с широкими изогнутыми крыльями. Мне не раз приходилось использовать этот транспорт за прошедший месяц, и я не мог избавиться от мысли, что его дух-машина терпеть меня не может. Если десантные челноки и умеют сердиться, то этот точно сердился. Я оглянулся на него – турбинные двигатели нетерпеливо выли, а пустынный ветер соскабливал серо-зелёную краску с тускло-серебряного корпуса. Я расслышал, что вся эта пыль пришлась моторам совсем не по вкусу.

За поцарапанным лобовым стеклом пилот выглядел бесформенным размытым пятном. Несмотря на все риски, он добровольно вызвался на задание. Меня восхитил его поступок.

Недели выздоровления тянулись медленно. Я понял, что никогда не смогу легко общаться с людьми. Жители Хельсрича смотрели на меня словно на икону, только за то, что я исполнил свой долг. Почему мне неловко от этого? Можно найти сотню трудных ответов. Мы – Адептус Астартес – особый вид и отличаемся от людей, которыми когда-то были. Этого объяснения вполне достаточно.

Я повернулся к сбитому “Штормовому орлу”. В каких бы цветах он не летел в бой, их давно уже содрала буря. Пепел и грязь турбулентного воздуха стёрли и символы преданности.

Кинерик поднырнул под наклонное крыло, одна сторона его доспехов оставалась кое-где чёрной – воин ещё не поворачивался ей к шторму. Ауспик в левой руке трещал и щёлкал. Помехи от урагана вывели прибор из строя. Кинерик ничего не сказал, и это было более чем ясным ответом.

Я забрался на накренившийся корпус, удерживаясь на ветру благодаря магнитным подошвам. С брони сорвало последний свиток обета. Я позволил ветру унести написанные мною литании ненависти в шторм. Похоже ему любопытно.

Переборка оказалась закрыта изнутри. Я взял крозиус и услышал, как энергетическое поле загудело, соприкасаясь с песком в воздухе. Чтобы выбить люк хватило одного удара – он прозвучал словно приглушённый колокольный звон. Я потянул искорёженную переборку свободной рукой и швырнул на землю. Кинерик снова ничего не сказал. Мне нравилось поощрять в нём эту черту.

Внутри тесного отсека экипажа разбившегося “Штормового орла” всё было перевёрнуто, кругом валялись ящики с амуницией и незакреплённое оружие. Кабина выглядела не лучше, но сразу стало видно то, что скрывало бронированное обзорное ветровое стекло: на палубе возле стенного стеллажа с оружием неуклюже лежал космический десантник в отполированном золоте. Я знал его цвета. И знал геральдику его ордена.

А вот, чего я не знал, так это как десантно-штурмовой корабль сумел долететь в такую даль из улья Вулкан. Сзади спрыгнул Кинерик, цепи, которые соединяли меч и болтер с доспехами, гремели в унисон движениям воина. Я услышал его дыхание по воксу на частоте отделения и как он выругался, когда увидел то же, что и я.

- Это - Львы, - произнёс он.

Точнее один Лев. Пилот. Как только я снял лазурный шлем, стало видно тошнотворные трупные пятна - подтверждение, что он мёртв уже несколько дней. В этом нет никакого смысла.

Прежде чем встать я прижал розариус ко лбу погибшего. Кинерик удивился. Зачем оказывать Льву прощальные обряды? Разве он не из другого ордена?

В том, что он сомневался в моих действиях, не было дерзости. Это его долг. Он обязан знать, что я делаю и зачем.

Встав, я спросил у Кинерика, почему ему не понравилось, что я оказал честь душе павшего воина.

- Потому что он не рыцарь. Лев не был одним из нас.

Часто и для меня этих причин достаточно. Даже с благородными Саламандрами совсем недавно. И всё-таки были исключения.

- Он не носит символы крестоносца, - согласился я, - но он был таким же сыном Дорна, как и мы. Кровное родство простирается дальше геральдики ордена, Кинерик.

- Прошу прощения, господин.

- Прощение не требуется. Тебя не за что прощать.

Кинерик служил со мной только три недели и ещё находился под бременем традиций и ожиданий, которые появляются вместе с шансом снискать череп-маску. Мне предстояло решить допускать ли его к священным таинствам культа ордена - тогда он станет капелланом под моим командованием - или он вернётся в ряды простых братьев.

Кинерика ко мне направил мой повелитель Хелбрехт. А вот полёт на "Валькирии" был моим решением. Я всегда терпеть не мог тайны.

К поясу мёртвого воина был примагничен гололитический увеличитель размером с кулак человека. После того как я его снял и включил, возникло мерцающее синее изображение - призрак другого воина из другого города. Он был в доспехах с символами Небесных Львов и одной рукой держал череполикый шлем. Несмотря на блики, я рассмотрел, что у космического десантника чёрное лицо. Чёрное с рождения на далёком мире джунглей. В отличие от него моя кожа была белой, словно мрамор с прожилками. И у меня довольно смутные воспоминания о детстве. Всё что я помнил из ранних лет перед посвящением - это завывания белого ветра и обжигающий пальцы холод.

- Юлкхара, - приветствовал я гололитического призрака.

- *Гримальд*, - произнёс он, и его голос дрогнул вместе с изображением. - *Они солгали нам об ущелье Манхейма. Они отправили нас туда на смерть.*

Когда запись оборвалась из-за перегрузки ненадёжной электроники, я расслышал ожидавшую нас снаружи бурю. Она стала жёстче, сильнее и, конечно же, ещё резче. Если погода продолжит портиться, то на гвардейском десантно-штурмовом корабле мы в город точно не вернёмся. Этот рискованный вылет и так уже откладывали несколько дней, пока ожидали перерыв в грозном фронте.

- Господин, - обратился Кинерик.

Я понял, что последуют вопросы и отогнал их, покачав головой. Во всём этом нет никакого смысла. Нужно время, чтобы поразмыслить.

Не произнеся ни слова, мы вышли под свирепый ветер и направились к "Валькирии". В её пассажирском отсеке царил организованный беспорядок из нетронутых кресел экипажа, слишком тесных для Адептус Астартес в доспехах.

- Приказы, реклюзиарх? - донёлся из рубки голос пилота.

Транспорт вздрогнул под нашими ногами - он уже начал подниматься в небо. Шторм стал беспощадным, на пути домой нас потрясёт.

- Назад в город.

Город. *Мой город*. Хельсрич - улей, который объявил меня своим чемпионом. Город, который изменил мой взгляд на воинскую клятву. Мы - Чёрные Храмовники, и мы атакуем, мы наступаем, мы - последние гордые рыцари Великого крестового похода. Мы сражаемся за право человечества на существование. Наш гнев должен быть чист, иначе он никчёмен и бесполезен. Мы судим об успехе своей жизни по количеству уничтоженного нами зла. Мы судим об успехе по добродетелям, которые мы олицетворяем и по идеалам, которые простираются дальше наших клинков.

Я думал, что умру на этой планете. Я был уверен в этом до тех пор, пока смерть не пришла за мной. Враги погребли меня под упавшим храмом Вознесения Императора, удостоив каменного кургана при жизни. Недели спустя после выздоровления я каждый день думал об этом в часы покоя: такое священное надгробие - это честь. Почти стыдно было выжить.

Но Армагеддон не убил меня. Мы скоро покинем планету - через три дня я отправлюсь вместе с верховным маршалом на "*Вечном Крестоносце*" назад на войну. Израненный улей, который я поклялся защитить, даровал мне свои реликвии и я понесу их в битвах среди звёзд.

Поступило предупреждение, что мы снижаемся над Хельсричем. Несколько городских районов всё ещё удерживали ублюдочные захватчики и, несмотря на то, что сезон огня вынудил совсем не вовремя прекратить боевые действия, обе стороны были готовы рискнуть в перерывах между пепельными муссонами, надеясь обескровить окопавшегося противника. При таком ветре у зенитных ракет мало шансов, но их с раздражающей регулярностью продолжали запускать в небеса по нашим десантно-штурмовым кораблям и транспортам снабжения.

Я услышал общегородские сирены ещё до того, как мы пролетели над разрушенными внешними стенами - очередное штормовое предупреждение завывало о приближении мощной бури.

От Хельсрича теперь мало что осталось, кроме поля битвы. Сражаясь, чтобы спасти город - мы убили его. На горизонте виднелись обвалившиеся и расколотые небоскрёбы, а в те редкие часы, когда стихал ветер - столбы чёрного дыма. Центральный шпиль - небольшой по меркам других ульев - всё ещё стоял, несмотря на интенсивный артобстрел обеими сторонами. Сейчас в него понабились и спасались от непогоды толпы вонючих ксеносов.

Центр города вокруг шпиля сравнивали с землёй. Из миллионов, что жили там год назад, выжило, пожалуй, с четверть. Большинство из них укрывалось в подземных бункерах или в тех немногих неразрушенных районах, которые всё ещё защищало стальное кольцо бронетанковых батальонов

Имперской гвардии. В улей направили огромные подкрепления из свежих солдат как раз в то самое время, когда они оказались в безвыходной ситуации из-за сезона огня. Десятки тысяч ружей так и не выстрелили.

Пилот вёл нас между обломками разрушенных зданий, лавируя среди осевших жилых домов, чтобы свести к минимуму риск зенитного огня. Это защищало и от самого сильного ветра, да и “Валькирия” меньше тряслась.

Довольно быстро мы добрались до останков “Вестника Бури”, который превратился в раздавивший два городских квартала замок из металлолома и шлака. Шторм содрал с брони все символы имперской верности, а повреждённые шпили собора на плечах слишком сильно пострадали, чтобы можно было говорить о каком-либо готическом величии. Неказистые металлические инопланетные конструкции сопротивлялись ветру – почти все нечестивые кланы ксеносов водрузили железные военные знамёна на павшем титане, после того как его гордая жизнь подошла к концу.

Мы пролетели над этим памятником неповиновения поражению, и я подумал о Зархе, Старейшей Инвигилаты, чей искалеченный труп всё ещё лежал там внизу. Она гниёт в холодной жидкости поддерживавшей жизнь колыбели: непогребённая и несчастная. Эта несправедливость огорчала меня. Я хотел бы что-нибудь сделать и изменить, но останки “Императора” находились в тылу контролируемой врагом территории.

Кинерик стоял рядом со мной в пассажирском отсеке и смотрел в открытую переборку, как внизу проносился город.

- Летая на десантном корабле в бурю мы не оскорбляем его дух-машины?

Меня не волновала философия биомеханической жизни, ум Кинерика был мне нужен в более важных делах.

- Сосредоточься, – сказал я ему, и он коротко кивнул в ответ. Он учился.

Мы приземлились на платформу Круджа-17-СЕК – ограждённую и защищённую посадочную площадку построили на разрушенном съезде самого западного отрезка Хельской магистрали. “Гибельный клинок” и “Леман Руссы” нескольких штурмовых типов стояли посреди бури, исцарапанные ветром. Опустилась рампа, Кинерик вышел первым и направился к ближайшему входу в бронированный передовой командный бункер.

Небо уже почернело от пепла и предвещало ужасную ночь во власти шторма. Я на мгновение остановился и посмотрел на пилота, но он уже отстегнул ремни и надел защитный костюм, чтобы добежать до укрытия. Три месяца назад мне бы и в голову не пришло оглянуться. По крайней мере, я благодарен этой планете за уроки, которые выучил на её поверхности.

В командном бункере царил организованная суматоха. Установленные вдоль стен когитаторы, станции ауспиков и вокс-передатчики щёлкали, тикали и пульсировали. Люди сновали вокруг нас в освещённой экраном темноте. Некоторые отдавали мне честь, ещё не избавившись от этой привычки – соблюдение ими условностей и демонстрация уважения ничего не значили для меня.

- Мне нужна свободная от помех частота с “Вечным Крестоносцем”.

Офицеры и техники поспешили выполнить приказ. Контакты с кораблями на орбите были в лучшем случае спорадическими, а сообщения в другие города отправляли через флот в те редкие часы, когда это

вообще было возможно. От планетарной спутниковой сети и её удобной системы связи остались только воспоминания.

Ко мне подошла одна из технических офицеров и отдала честь:

- Соединение установлено, реклюзиарх. Оно продержится, пока шторм не оборвёт его.
- Спасибо. - Я сразу же включил вокс-ридер шлема и стал искать работавшие местные частоты. У левого края ретинального дисплея замигали и зазвенели графические символы. Три мерцали красным, затем появился зелёный.
- Реклюзиарх, - раздался наполовину заглушённый треском помех голос одного из бесчисленных сервов на мостике флагмана. - Я живу, чтобы служить.
- Мне нужно, чтобы вы за час выполнили четыре задачи. Во-первых, свяжитесь с каждым кораблём Небесных Львов на орбите - мне нужна вся информация об их военном флоте. Во-вторых, свяжитесь с кем-нибудь из командования в улье Вулкан и получите подробный отчёт обо всех потерях Адептус Астартес в их районе с начала войны. В-третьих, Кинерику и мне нужен десантно-штурмовой корабль для возвращения на *"Вечный Крестоносец"*. Если шторм начнётся раньше, чем вы сможете прислать его - мы рискнём телепортироваться.
- Будет исполнено, реклюзиарх. И четвёртый приказ?

Тут нужна осторожность.

- Свяжитесь со старшим офицером Небесных Львов в Вулкане. Сообщение прослушают, как бы мы его не зашифровали. Запишите мои слова и отправьте ничего не добавляя.
- Как прикажете. Что за сообщение, реклюзиарх?
- Всего шесть слов. *Без пощады. Без сожалений. Без страха.*

Вторая глава

Верховный маршал

Десять тысяч лет назад.

Так много наших преданий начинается с этих слов. Десять тысяч лет назад ордены были легионами. Десять тысяч лет назад сыновья Императора шагали среди звёзд. Десять тысяч лет назад галактика загорелась и пылает до сих пор.

Адептус Астартес - хранители древних знаний, но даже в наших архивах столь много утрачено. С течением времени правда искажается и пересматривается, предания меняются, отражая точку зрения читателя. Целые области галактики ничего не знают о Ереси и предшествующем ей Крестовом походе. На тысячах мирах молятся Императору не как человеку, а как богу или духу; инкарнации воина; доброму существу в загробной жизни; воплощению времён года, которое вызывает половодье и приказывает солнцу всходить на рассвете.

Каждый раз, возвращаясь на флагман, я задумываюсь о сути истины. Наши архивы одни из самых правдивых в Империи, но даже они немногим больше чем фрагменты произошедшего. Наше почтение

отдано не только рукописям и преданиям. *Десять тысяч лет назад* слова взволновали кровь Храмовников не благодаря свиткам и гололитическим записям, которые мы храним сквозь поколения. А благодаря таким кораблям, как *“Вечный Крестоносец”*.

Он плыл среди звёзд десять тысяч лет назад, сражаясь в битвах, в которых выковали человечество. Мы идём по стопам древних рыцарей Великого крестового похода. Мы управляем тем же самым кораблём, тренируемся в тех же самых залах и приносим тот же самый гнев. Когда столь много утеряно – вот истина, которой мы остаёмся верны.

Я снова думал об этом, пока Кинерик шёл за мной из посадочного отсека. Я чувствовал его беспокойство столь же хорошо, как и почтение, которое нам обоим оказывали. Когда я был капелланом, сервы ордена отдавали мне честь. К реклюзиарху они относились с ещё большим благоговением. Мы позволяли им носить личное церемониальное оружие – обычные не силовые клинки и кинжалы. Сервиторы обнажали мечи и становились на колени, склонив головы к перевёрнутым рукоятям. Если мы встречались в слабо освещённых коридорах с другими Храмовниками, то они не приветствовали нас символом аквилы. Они скрещивали руки и стучали о нагрудники, образуя крест крестоносцев.

Кинерик молчал, когда мы шли одни. Он не привык, что равные оказывают ему такое почтение.

– Неловкость пройдёт, – сказал я. Это было одновременно и правдой и неправдой. Хелбрехт сказал мне, что она пройдёт, а он воин, который скорее умрёт, чем солжёт. Моё смущение ещё не прошло, но я верил слову своего повелителя.

“Вечный Крестоносец” – это крепость посреди космической пустоты, понадобится несколько месяцев, чтобы обойти все переходы и залы. Я вёл Кинерика по коридорам, ехал в скрипящих лифтах между палубами и не обращал внимания, движемся мы по жилым отсекам или нет. Мой целеуказатель перемещался от переборки к переборке, от человека к человеку, прокручивая биометрические показатели и первичную отсканированную информацию. Пока мы стояли на одной из платформ и поднимались на очередную палубу, я повернулся к Кинерику и посмотрел на его гладкое покрытое шрамами лицо. И тут мне пришла в голову мысль. К моему стыду она должна была прийти гораздо раньше.

– Надень шлем.

Он помедлил, прежде чем подчинился, но от удивления, а не от неповиновения. Когда зажимы на воротах защёлкнулись, он посмотрел на меня сквозь красные линзы стилизованного клёпаного шлема *“Корвус”* тип VI. Во взгляде ощущался вопрос. Я ответил:

– Ты можешь снимать его перед лордами-командующими ордена, но никогда перед другими братьями. Ты больше не ты, Кинерик. Капеллан – это прошлое и будущее ордена, воплотившиеся в одном человеке. Твоим лицом должна стать посмертная маска Императора. – Я постучал по впалым щекам серебряной лицевой пластины шлема-череп. – Братья должны забыть твоё лицо, как они забыли моё.

Кинерик кивнул, хотя я понимал, что не убедил его. Он знал, что должен за эти месяцы доказать, что заслуживает шлем-череп, но не мог понять смысл моего приказа. В конце концов, лицевая пластина его шлема не была посмертной маской, как моя. По крайней мере пока.

Я мог бы ответить на его сомнения, рассказав жестокую правду: на нём шлем воина Адептуса Астартеса, одного из генетических потомков Императора, и галактику завоевали бесстрастные, обезличенные маски в эпоху, которую мы стремимся олицетворять. Если ему и не хватает шлема-череп, то выглядит

он почти также.

Но есть время для проповедей, а есть время для наставлений.

- Кинерик, - продолжил я. - Веди себя так, словно ты уже исполняешь обязанности, которые стремишься заслужить.

Ещё один кивок - меньше сомнений и больше убеждённости.

Пока мы шли по широкому оживлённому коридору и прилагали все усилия, чтобы не замечать почтительные поклоны трэллов, я высказал ещё одно предостережение по общей вокс-частоте:

- Когда мы предстанем перед верховным маршалом - не смотри ему в глаза.

Ещё сильнее запутался.

- Господин? - спросил он по воксу.

- Просто доверься мне.

Он ждал нас в зале Первого воззвания, который чаще называли залом Сигизмунда. Легенды гласили, что здесь стоял с братьями, ставшими потом первыми лордами ордена, первый верховный маршал Чёрных Храмовников и смотрел на поле битвы, известной как Железная Клетка. Они поклялись, что продолжат Великий крестовый поход, несмотря на раны, которые терзают Империум. Остальные легионы останутся защищать владения человечества, и в их решении нет позора. Но Имперские Кулаки Сигизмунда перекрасят в чёрный цвет доспехи для грядущих сражений и продолжат наступать и нести послание Императора галактике. Они не будут защищаться. Они будут атаковать. Так появились Чёрные Храмовники - единственные воины, для которых Великий крестовый поход никогда не закончится.

На облицованных тёмным металлом стенах висели картины с инопланетными мирами и давно погибшими воинами - каждая шедевр своего мастера. Подобно вечному стражу в окружении первых маршалов и кастелянов стояла статуя Сигизмунда. Бронзовые герои покрылись патиной, но она не затронула их клинки. Мечи воспротивились времени и гордо смотрели на свисавшие с арочного готического свода и посеревшие за несчётные годы знамёна.

Их доспехи выглядели архаичными: грубо наложенные пластины в стиле, который редко встречался даже среди истинных наследников легиона - благородных орденов второго основания. В шлемах с устаревшими гребнями легендарные воители были не похожи на нас - тех, кто занял их место десять тысяч лет спустя. Нельзя не задуматься и не задаться вопросом: несли ли мы их наследие с той же честью, что и они.

В зале пахло пылью и величавым старым помнившим прошлое пергаментом. Хелбрехт ждал нас в дальнем конце зала.

Мой сеньор - человек великой решимости, но и не менее великих печалей. Он склонен к меланхолии, но не из-за самокопания или эмоций, а из-за целеустремлённости и преданности. Его служба никогда не закончится. Его не волнует личная слава, он не показывает открыто чувств, и каждая секунда его жизни посвящена Вечному крестовому походу. За десятки лет я никогда не видел у него иных эмоций, кроме слабой улыбки во время планирования; едкой злости на фронтах сражений и неизменной холодной ярости в бою. Он не испытывает эмоции, как другие разумные существа. Он подчинил их.

Его лицо – карта выигранных битв и шрамов, полученных во имя умершего короля-мессии человечества. Его голос непередаваемо сдержанный и невероятно проникновенный. Он видел больше огня, крови, железа и ненависти, чем почти все мужчины или женщины из ныне живущих.

Он обратился ко мне по имени – Хелбрехт один из немногих в ордене, чьё звание позволяет так делать. Кинерика он назвал “братом-посвящённым” и слегка кивнул молодому воину. Мы опустились на колени, как и требует традиция, когда в первый раз подходишь к повелителю. Я молился, чтобы Кинерик прислушался к моим словам и не стал смотреть нашему сеньору в глаза.

Помню, как я со всей ясностью подумал: *он – война в человеческом облиии*. Никакие другие слова не опишут его столь же точно. Украшенной золотом чёрной бронёй он отличался от нас, но не ради собственного величия, а для привлечения внимания и ярости врагов. Когда верховный маршал обнажал сталь – он хотел, чтобы его видели все. Мой повелитель всегда шёл первым в бой в центре нашего строя.

Его красный плащ превратился в коричневые лохмотья, едва державшиеся на помятых и потрескавшихся доспехах. Пластины брони покрывали засохшие брызги крови – без сомнений инопланетные предсказатели и шаманы из племён, которые мы истребили на Армагеддоне, найдут в их рисунке мистический и важный смысл. Бионическая рука была обнажена и в тех местах, где её оболочку пробивали, виднелись работающие сервомоторы и щёлкающие поршни. У Хелбрехта не возникало желания обтянуть руку синтетической кожей. Такая бессмысленная косметическая процедура никогда не приходила ему в голову.

– Сир, – приветствовал я его, затем отсоединил зажимы и снял шлем, чтобы насладиться древним воздухом зала. Меч верховного маршала устремился к моему горлу. С рыцарским почтением я слегка коснулся губами протянутого клинка – традиционный поцелуй, подтверждение верности ордену и лорду-командующему. Следом за мной секунду спустя также поступил Кинерик.

– Встаньте, – обратился к нам Хелбрехт. Он вложил клинок в ножны на бедре – если легенда верна, то оружие выковали из осколков меча нашего примарха. Мы встали, как и предлагалось.

– Говори, Мерек.

Кинерик напрягся, услышав моё имя.

Не отвечая, я достал портативное гололитическое устройство. Оно спроецировало световое изображение воина Адептус Астартес в полный рост, который обратился к нам троим.

– *Гримальд, – произнёс он. – Они солгали нам об ущелье Манхейма. Они отправили нас туда на смерть.*

Сообщение закончилось, а верховный маршал молчал. Он смотрел на то место, где несколько секунд назад голограмма Юлкхары рассказывала о подлом предательстве.

– Могли запись смонтировать или подделать? – он спрашивал не о сегодняшнем враге. Зелёнокожие ксеносы слишком примитивны для столь тонкой работы.

Я покачал головой:

– Предателям, о которых говорил Юлкхара, нет никакой пользы от сообщения. Я верю, что оно правдиво.

– Я тоже верю. Чего же ты хочешь, Гримальд?

- Я по-прежнему хочу связаться с Небесными Львами и узнать об их потерях.

- И ты собираешься уничтожить тех, кто их предал.

- Сомневаюсь, что это возможно, сир. Как бы мне этого не хотелось.

Хелбрехт посмотрел на статую Сигизмунда и положил руку на навершие меча. У бронзовой точной копии первого верховного маршала был такой же меч, изготовленный из того же металла, что и вся статуя. Сигизмунд стоял, обнажив клинок, и указывал им в широкие окна на вращавшийся и пылавший внизу мир.

- Ты рискуешь вовлечь орден в прямой конфликт с Инквизицией.

Отрицать это бессмысленно:

- Да, сир.

- Я не боюсь этого конфликта, Гримальд. Несправедливости нужно противостоять. Скверну нужно вычищать. Но *"Вечный Крестоносец"* улетает через три дня, брат. Вожак сбежал с Армагеддона, и выследить его – наш первейший долг.

Я ожидал, что он скажет это:

- Тогда оставьте меня.

Впервые на моей памяти я увидел удивление на иссечённом шрамами лице сеньора.

- Ты столь сильно не хотел сражаться на этой планете, а теперь просишь оставить тебя?

Ирония происходящего не ускользнула от меня:

- Я могу улететь на другом корабле, сир. *"Добродетель Королей"* с остатками батальной роты Амальрика ещё будут здесь. Если выживу, то стану путешествовать с ними.

- В любом случае я лишусь реклюзиарха.

- Назначите другого. Вечный крестовый поход продолжится и без меня, Хелбрехт.

Было непривычно видеть его в таком состоянии: пришлось выбирать между очистительной войной с внешними врагами и справедливой войной с врагом внутренним. Он сражался бы с ними обоими, если бы мог. Однако смерть короля ксеносов важнее всего остального.

- Вы были здесь, – сказал я, пока он смотрел вверх высокой статуи, – бились с ксеносами на орбите. Вы видели войну в космосе. Скажите мне, что информация о потерях флота Небесных Львов не соответствует действительности, сир.

Хелбрехт повернулся и посмотрел на меня глазами слишком старыми даже для его повидавшего множество войн и потрескавшегося от времени лица.

- Информация верна.

Теперь настала моя очередь смотреть в огромное окно на медленно вращавшуюся внизу планету, пока верховный маршал говорил:

- Они сражались рядом с нами почти в каждой битве. Сейчас они здесь, но у них осталось только три корабля.

- Этого не может быть.

Мой голос был холоден, но кровь почти кипела. Мы говорили о гибели целого ордена:

- Как они понесли такие потери?

Мой сеньор никогда не был человеком склонным даже к малейшему потворствованию эмоциям. Он помедлил, но точно не для того, чтобы перевести дух. Эта война в равной степени разгневала и утомила его и сейчас, когда он приготовился нанести последний удар, я принёс угрозу новой задержки.

- Их потери - главная причина, почему я верю, что твоё беспокойство оправдано, - ответил Хелбрехт. - Ты знаешь, как всё непостоянно в космических битвах: бесконечно меняющиеся приказы; голоса в темноте; крики заглушающие канонаду и рёв пламени в пробитом корпусе. Сотни и сотни кораблей движутся во всех направлениях - стреляют, таранят, разрушаются, гибнут. Факты и домыслы переплетаются.

Но Хелбрехт - несравненный космический командующий. Именно поэтому его выбрали наблюдать за имперскими войсками на орбите. Я знал, что его слова это не попытка оправдать личную неудачу.

К несчастью они и не были извинением за то, что он направил меня в Хельсрич и я не смог принять участие в развернувшейся здесь грандиозной войне. Я больше не злился, а только сожалел об утраченном братстве.

- Знаю, - кивнул я.

- Львы сражались хорошо. Я никогда не поставлю под сомнение их воинскую репутацию. Их неудачи были следствием явного невезения: им отправляли приказы, но они их или вообще не получали или слишком медленно выполняли. У нас было много сообщений об испорченных вокс-передатчиках и так и не принятых капитанами Львов указаний. Большая часть отдаёт вражеским вероломством.

Я хотел это услышать:

- Расскажите мне.

- Боевую баржу "*Серенкай*" взяли на abordаж и уничтожили, когда она удалилась от нашей ударной группы - Львы не получили приказы и не сумели сохранить построение. Крейсер "*Лави*" столкнулся с повреждённым флагманом Расчленителей "*Виктус*" и погиб четыре часа спустя от структурных повреждений. "*Нубика*" взорвался во время abordаж, предпочтя смерть захвату.

Он перечислил ещё десять кораблей - ещё десять смертей. С каждым именем я стискивал зубы всё сильнее.

- Сложно понять, что явилось следствием саботажа или предательства, а не честного боя. Многое происходило в небесах Армагеддона, брат. А те, кто были ближе и всё видели уже в могилах. Если Инквизиция действует против Львов, то делает это с таким упорством и мастерством, какие я редко встречал у её агентов.

- Тем не менее, перед нами орден, который потерял флот, а его выживших воинов разгромили на планете.

Хелбрехт закрыл глаза и размышлял в мрачной тишине. Моё сердце успело ударить несколько раз. Когда он их открыл – все сомнения исчезли. Он всегда поступал так и я в высшей степени восхищался им за это. Человек действия, а не реакции. Он атаковал, всегда атаковал.

- Правосудие взывает к нам.

Капеллан не должен улыбаться, потому что мы олицетворяем мучительные ритуалы и праведную смерть в бою. Я не смог удержаться. От его слов мою кровь словно объял огонь – как в самые священные минуты, когда он объявлял крестовый поход.

- Как минимум нам надлежит узнать правду о случившемся, – продолжил Хелбрехт, и мы с Кинериком сразу же сотворили крест крестоносцев на нагрудниках.

- Как скажете, сир.

- Отправляйтесь в улей Вулкан, – приказал он нам. – Большая часть ордена должна выступить через три дня. Это требование Старика. Нельзя позволить архивожаку виновному в разорении Армагеддона вырваться из нашей хватки – возмездие взывает столь же громко, как и правосудие. Мы не можем отправить Храмовников в бой и задержаться на неделю, если не больше, для ремонта, перевооружения и пополнения припасов. Но высадитесь на планету и выясните, что произошло. Если Львам суждено погибнуть – я хочу услышать правду от них, пока не стало слишком поздно.

- Будет сделано.

- Не сомневаюсь.

Он не спросил – хватит ли трёх дней. Выбора нет – *должно* хватить.

- Тебе нужны рыцари?

Я посмотрел на Кинерика:

- Нет, сеньор. Пока нет.

- Хорошо, у нас их не так много в резерве. Три дня, – повторил он. – Ступайте. Узнайте правду и прокричите её небесам.

Кинерик молчал, когда мы вышли. Причина крылась в волнении – он ничего не сказал из-за того, что не мог подобрать слова, а не из-за нежелания говорить. Немногие слуги заходили на эти аскетичные палубы, но шлемы щёлкнули, когда мы их снова надели. Теперь моё зрение изменилось – появился подсвеченный красным целеуказатель, и начали поступать биометрические данные.

- Ты посмотрел ему в глаза, – это не был вопрос.

Кинерик кивнул:

- Посмотрел.

- Я предупредил тебя не поступать так.

Он снова кивнул:

- Предупредили.

Я знал, что он сейчас чувствует. Я испытывал то же самое всякий раз, когда стоял перед статуями основателей ордена. Он прошёл испытание Воплощённого суда. Как лучше всего объяснить ему это?

- Наш сеньор видел всё, что может породить галактика по обе стороны завесы реальности. Он убивал всех врагов, которых можно вообразить и участвовал в бесчисленных крестовых походах. И он прямолинеен. Он не скрывает свои победы и поражения, как и шрамы. Тебе показалось, что он составлял о тебе мнение - так и было. Он оценивал тебя, как оценивает всех и каждого на кого падёт его взгляд. У Хелбрехта старые пронизательные глаза, которые смотрят прямо в сердце воина. Я не слишком хорошо его знаю, да и никто кроме Братьев Меча не может утверждать, что хорошо знает нашего повелителя, но поверь тому, что я скажу - он не считает тебя недостойным, Кинерик.

Воин обдумывал сказанное, пока мы шли по тёмным залам.

- Когда я посмотрел ему в глаза, то ощутил, что никогда раньше надо мной не вершили подобного суда.

- Он - наследник Сигизмунда и воплощение Вечного крестового похода. Правильно сомневаться, что станешь достойным его наследия, и в тоже время правильно вдохновляться им. Верховный маршал Хелбрехт счёл тебя достойным. Сейчас ты со мной, потому что так захотел наш лорд. Он спросил, что я думаю о твоём посвящении в братство капелланов.

Я услышал, как мягко загудели шейные сервомеханизмы доспехов Кинерика, когда он повернулся ко мне:

- Вы не просили назначить меня к вам?

Что за мысль.

- Нет, Кинерик. Не просил.

- Братья говорили, что вы хотите восстановить командное отделение.

Артарион, Приам, Кадор, Неровар, Бастилан.

- Они ошибаются, - ответил я. - И хватит об этом, Кинерик.

Третья глава

Последний офицер

В Кодексе Астартес - по крайней мере, в неполной копии древнего текста на "*Вечном Крестоносце*" - подробно изложены несколько тысяч тыловых задач, которые касаются подготовки, строительства и укрепления базы огневой поддержки космических десантников. Человечество редко отправляет нас перемалывать передовые в затяжных кампаниях - для этого есть Имперская гвардия. Адептус Астартес - это падающий молот, копьё - устремлённое в горло. Удар убийственной силы прямо в сердце и отход.

Но не один план не остаётся неизменным после столкновения с врагом. Мы ведём крестовые походы и сражаемся по всей галактике, поэтому возведение укреплений и окопные работы неизбежны. Несмотря на то, что Храмовники не следуют Кодексу Астартес с упорством, которое граничит с поклонением Священному Писанию, он остаётся самым исчерпывающим трактатом о ведении войн космическими десантниками. Его написал сын Императора - лорд Макрагга Жиллиман. Его ценность неизмерима для

любого командующего, несмотря на любые возможные расхождения с обычаями ордена.

Говорят, что за Тёмные Тысячелетия не сохранилось полной копии. Даже о первом экземпляре известно больше мифов, чем правды. Мы не знаем, написал лорд Жиллиман собственноручно все десятки томов или диктовал нунциям-писцам и сервиторам-переписчикам или собрал в гололитическую библиотеку.

Конечно, в том то и дело. *Десять тысяч лет назад* нам не нужно было полагаться на испорченные записи и потрескавшиеся книги.

Жарче и сильнее всего сезон огня бушевал на востоке Армагеддона Секундус – там Хельсрич и его улы-побратимы поглотила пепельная буря. На западном побережье Армагеддона Прайм враги продолжают осаждать Вулкан, и в ветре почти нет раскалённого песка и пепла, которые поразили противоположную сторону планеты.

База огневой поддержки Небесных Львов располагалась на природной возвышенности, которую легко защищать. Мощные укрепления и священные статуи павших героев заставят крепко задуматься любого, кто посмеет атаковать эти тёмные стены. Внутри размещались бункеры с защитными турелями, над ними возвышались огороженные посадочные площадки, которые стояли в тени ремонтных цехов, гаражей для техники и казарм.

Всё лежало в руинах. Мы слышали Вулкан – ветер доносил едва различимые звуки сражения в нескольких километрах от нас.

Шагая по разрушенной базе, я почти был готов увидеть трупы. Но нападавшие давно ушли, а убитых сожгли несколько недель назад на погребальных кострах за стенами. На северных посадочных площадках приземлились три “Громовых ястреба”. Песок отшлифовал корабли, но золотой цвет ещё сохранился. На краю ретинального дисплея перебирались открытые частоты для установления связи.

– Реклюзиарх Гримальд, – раздался голос в воксе. – Ваше присутствие для нас честь.

Мы направились к высоким платформам и поднялись по лестницам для экипажа. Лифты заняли двадцать Небесных Львов – они грабили припасы собственной базы, безжалостно умело загружая “Громовые ястребы”. Им помогали управляемые сервиторами погрузочные “Часовые”. Воины попарно тащили ящики с боеприпасами, каждый одну руку оставил свободной, чтобы в любой момент выхватить болтер. Львы очень эффектно и впечатляюще пополняли припасы, хотя чем-то это было похоже на менее благородное мародёрство.

Космический десантник в чёрном шлеме вожака прайда выступил вперёд. Он опустил на колени, хотя не обязан так поступать, и снял шлем. Его лицо было тёплого тёмно-коричневого цвета, как у людей, которые родились в экваториальном климате. Их жизнь зависит от обильных джунглей и обширных саванн. Я никогда не был на родной планете Львов – Элизиуме-9, но встречал многих её темнокожих сыновей. Культура охотников: гордых людей с рождения до смерти.

Лицо воина слегка потрескалось от времени. Без сомнений ветеран. Ему сильно повезло, что не осталось уродливых шрамов.

– Мы не знакомы, – подсказал я.

– Вожак прайда Экене Дубаку, – он поднялся, закончив с ненужным проявлением почтения.

Вожак прайда. Сержант отделения. Такой поворот не сулил ничего хорошего.

- Гримальд, - ответил я. - Реклюзиарх Вечного крестового похода. Кузен, когда ты сказал, что командуешь выжившими...

Экене снова принял мою подсказку:

- На планете ещё осталось девяносто шесть выживших Львов, реклюзиарх. Я принял командование у военного вождя Вакемби - Копья Нацеленного в Сердце. Он отправился в объятья Императора восемнадцать дней назад.

- Я знал капитана Вакемби. Империи будет не хватать его клинка и мудрости. Что случилось с братом-капелланом Юлкхарой?

- Скоты убили вестника смерти Юлкхару двадцать четыре дня назад.

- Скоты? - не совсем понял я.

- Зелёнокожие, реклюзиарх. Быдло. Звери. *Скоты*.

За пренебрежительное отношение к врагу следует наказывать, но не моё дело осуждать их ненависть и глупо подрывать боевой дух, порицая за столь незначительный проступок.

Львы продолжали работать, как и тяжело ступавшие "Часовые". По моему жесту Кинерик присоединился к ним, помогая с погрузкой.

- Это больше похоже на мародёрство, чем на пополнение припасов, Дубаку.

Он надел шлем и ответил сквозь решётку вокса:

- После того, как базу захватили, у нас не осталось выбора. Наша запасная крепость находится в Вулкане, но мы рискуем совершать рейды каждые три дня. Боеприпасов мало - производство и снабжение с флота почти прекратилось.

На секунду я задался вопросом, почему они не попросили помощи у других орденов, но кровь Дорна сильна в его наследниках. Трудно отказаться от гордости даже перед угрозой уничтожения. Особенно во время истинного испытания для воина. Разве может быть лучший момент, чтобы доказать, что человек силён, даже оставшись в одиночестве?

Дубаку продолжил:

- Мы смиряли гордость достаточно долго, прежде чем решили обратиться за помощью к Расчленителям и Чёрным Храмовникам, но у первых закончились запасы, как и у нас, а вторые готовятся отправиться в путь. Вашим братьям предстоит сражаться среди звёзд, реклюзиарх. Мы не имеем права просить подачек, раз остаёмся. Так что мы выживаем, мародёрствуя в павшей крепости и обирая погибших братьев.

Значит, Юлкхара отправил сообщение по собственной инициативе. Уверен, что это ему далось нелегко.

Мы отошли в сторону, пропуская трёх громыхавших модифицированных "Часовых", которые несли в промышленных тисках ящики с нарисованной на них аквилей.

В первую очередь меня изумило вот что: Небесные Львы - мертвы. Их оставалось ещё сто, но они действовали без централизованных приказов командования ордена, а их старшим офицером был сержант отделения. Я надеялся найти Юлкхару. Я надеялся найти надежду.

- Заканчивайте погрузку, - обратился я к Дубаку. - Как только окажемся на борту "Громового ястреба", ты расскажешь обо всём, что произошло после высадки на планету. И я решу, как лучше ответить на последние слова Юлкхары.

Экене отдал честь, сотворив символ аквилы над орлиными крыльями на нагруднике:

- Вестник смерти поклялся, что вы придёте.

Я ничего не ответил. Просто показал жестом, чтобы он вернулся к работе. По-прежнему оставалось неясным, чего Юлкхара хотел от меня и что я вообще мог здесь сделать. Становилось всё меньше похоже, что меня позвали для спасения Львов и всё больше, что мне предстоит стоять рядом и наблюдать, как они погибнут.

Девятьсот восемьдесят три воина. Они направили на Армагеддон девятьсот восемьдесят три воина, а осталось девяносто шесть.

Мы сидели в тесных креслах в слабо освещённом отсеке экипажа "Громового ястреба". В отличие от меня и Кинерика Небесные Львы сняли шлемы.

Рассказ Дубаку был мрачен.

Здесь высадился весь орден, кроме самых далёких и ещё не завершивших обучение тренировочных подразделений, которые были рассеяны по всему сегменту.

До истребления в ущелье Манхейма они пробыли на планете три месяца и шестнадцать дней, защищая Вулкан на западном побережье Армагеддона Прайм.

Всё это время они сражались болтерами и клинками на пылающих улицах улья, но несли тяжёлые потери - больше чем у любого другого ордена. В каждой битве враг контратаковал, обладая огромным численным превосходством. Несчётное число раз они отправлялись на помощь частям Имперской гвардии, которые уже давно были разбиты, и Львы оказывались глубоко на вражеской территории, не имея возможности быстро отойти.

Зафиксировано по крайней мере пятнадцать случаев, когда они по приказу атаковали особо важные объекты только для того чтобы обнаружить, что остались одни - без предусмотренных вспомогательных войск или обещанного подкрепления.

Потери росли с каждой операцией и с каждым днём. Засады случались даже во время обычного патрулирования умиротворённой территории. Львов направляли оборонять ключевые районы и кварталы, куда они и перебрасывали необходимое количество воинов. Но оказывалось, что их отряды встречали гораздо более сильное сопротивление, чем обещала орбитальная разведка. Враги появлялись в невообразимых количествах и внезапно атаковали там, где согласно донесениям всё уже давно и тщательно зачистили.

Верховное командование улья передавало ордену орбитальные пикты и показания ауспиков только затем, чтобы выяснилось, что разведанные едва соответствуют реальной боевой обстановке в зоне развёртывания. Снова и снова Львы прыгали в огонь. А какой у них был выбор? Они не могли позволить городу пасть. Они не могли позволить врагу жить.

Довольно быстро они стали полагаться в первую очередь на собственные сканеры и скаутов, но

оборудование неожиданно начало хуже работать и постоянно глушиться. Отделения разведчиков не выходили на связь, если покидали город без поддержки. Иногда Львы находили их тела. Чаще – нет.

Пикты с кораблей на орбите поступали искажёнными из-за развернувшейся в небесах космической войны, но эти редкие повреждённые изображения оказались самыми надёжными разведанными, какие они смогли получить. Львы ругали и благодарили капитанов-трэлов военных кораблей за прилагаемые ими нечеловеческие усилия. Но и этих сообщений становилось всё меньше по мере истребления флота. С начала боёв не прошло и месяца, а поставка боеприпасов с орбиты стала столь же редкой, как и достоверная информация. Дважды десантные корабли Небесных Львов уничтожали высоко в атмосфере, а один раз настенные орудия Вулкана неправильно сработали и сбили семь “Громовых ястребов”, которые везли припасы.

Пока Экене рассказывал об этих неудачах, его голос ни разу не дрогнул. Он ни разу не вздохнул, не отвёл взгляд и не пожаловался на произошедшее. Его подкреплённая решимостью сдержанность была искренней и сделала бы честь любому сыну Дорна.

Моя кровь холодела от каждого нового предательства, которое постигло кузенов.

Я крепко стиснул подлокотники тесного кресла и не отпускал их. Дубаку не решился рассказывать дальше и показал на мои руки:

- Реклюзиарх?

Я заставил мышцы расслабиться:

- Продолжай.

И он продолжил.

С начала войны прошло всего несколько недель, а погибла уже половина ордена. Каждое утро имена убитых пополняли список потерь. Выжившие сражались.

Десятки лет назад во время Последней войны орды зелёнокожих быстро захватили Вулкан. Подобно воронам-падальщикам орки разграбили город и отправились дальше с захваченными на имперских мануфактурах трофеями и добычей. Позор не должен повториться. Правители и лидеры города недвусмысленно указывали на это на каждом командном брифинге, отправляя Львов исполнять их невыполнимые требования. Всё это время улей пылал. Пылал, но не сдавался.

Потом был Манхейм.

Ущелье Манхейма – это каньон в горах к северу от Вулкана. Расселина в бесценной земной коре планеты, которая образовалась из-за медленного танца тектонических плит. Любой, кто прожил здесь больше нескольких недель, знает, что Армагеддон – беспокойный мир. Землетрясения, песчаные бури, войны.

Львам сказали, что ущелье необходимо атаковать – там находится база механической ереси, где ксеносы строят металлических богов-машин. Войска Вулкана должны ударить раньше, чем титаны зелёнокожих пробудятся, иначе их бесконечная волна хлынет на защитников города. Имперской гвардии нельзя доверить выполнение столь точного удара: нужно будет организовать массовый отвод и передислокацию глубоко окопавшихся легионеров – в улье просто не справятся с такой задачей. Это должны быть космические десантники. Это должны быть Львы.

Примитивная пустотная защита ограждала каньон от орбитальной бомбардировки. Львам предстояло атаковать с земли, без использования десантных капсул, двигаясь по ущелью с батальонами своих танков, словно некое эхо Ереси и тысячелетий боёв до неё.

Конечно же, они провели разведку. Всё перепроверив и осмотрев, они признали имперские данные надёжными. Ни один из шагающих богов ксеносов ещё не запустили.

Но время было не на их стороне. Каждый час внутри крепостных стен приближал пробуждение гаргантов.

Наступало пятьсот Львов. Выжившая половина ордена шла в бой, зная, что число врагов превосходит возможности Имперской гвардии. Они решили напасть с ошеломительной мощью, ударить быстро и сильно, компенсируя неспособность атаковать с неба.

Пятьсот космических десантников. Я захватывал планеты с вчетверо меньшим числом рыцарей. Даже при том, что человеческое сопротивление и орды зелёнокожих невозможно сравнить, пятьсот Адептус Астартес – это неудержимое оружие при любых раскладах. Командующие Львов были правы, отправляясь в бой всеми силами. Любой магистр ордена поступил бы также. Враг никак не мог узнать, что на него движется такая мощь и просто невозможно остановить *пятьсот* космических десантников.

Ударить с удушающей свирепостью. Уничтожить врага. Отступить, прежде чем начнётся полномасштабная битва. Это должно было сработать.

До начала сезона огня оставалось ещё несколько недель, но дыхание дракона в воздухе уже предвещало приближение бурь. В ущелье завывал песчаный зловонный ветер, когда Львы двинулись за военными вождями и вестниками смерти. Я представлял это настолько ясно, что почти видел развевавшиеся знамёна.

Вдоль стен каньона установили разнообразнейшее промышленное оборудование, которое даже возвышалось над ущельем: громадные сборочные платформы, на которых зелёнокожие твари создавали всё больших металлических аватаров. Их были сотни – ни одного одинакового размера. Раздувшиеся туши с нарисованными на них нечестивыми богами и на каждом кишели вопящие ксеносы.

Всего пятьсот космических десантников...

- Когда вы поняли, что вас предали?

Экене вздохнул, прежде чем ответил:

- Не потребовалось много времени.

- Гарганты, – вклинился в разговор Кинерик. – Они были готовы.

Горькая усмешка Дубаку прозвучала резко как выстрел:

- Если бы только это, то мы смогли бы пробиться, а не были бы перебиты. Возможно, даже сумели бы победить, хотя и погибли бы все.

Ещё сильнее помрачнев, он продолжил, ведя рассказ к неизбежной развязке. Гарганты не спали – они ждали. Жара в ущелье была из-за работавших глубоко в животах титанов твёрдотопливных двигателей. Раздался лязг механизмов, заглушив грохот болтеров и треск стрелкового оружия орков. Это лавина перемолотого угля и мусора посыпалась в топки гаргантов. Протестующе заскрипели суставы огромных

орудий, и земля задрожала от первых шагов пробудившихся исполинов. Золотистые танки Львов яростно устремили в небеса лазерные разряды, взрывая тонкие щиты и пробивая корпуса возвышавшихся военных машин. Военные вожди выкрикивали приказы, управляя воинами даже в пылу битвы: указывая, где нужно атаковать, где прорвать строй орков, куда двигаться для защиты танковых батальонов от вражеской пехоты.

Моё сердце воспарило от этих слов. Даже после пробуждения гаргантов Экене и его братья – уцелевшая половина благородного ордена – сражались, стремясь победить. Они бы зачистили ущелье ценой собственных жизней. Сам Дорн мог бы стоять рядом с ними в тот день.

Но всё изменилось. Когда Дубаку рассказывал о последнем повороте судьбы, Кинерик подался вперёд в тесном кресле, с трудом веря в услышанное.

Засада перешла в следующую стадию. Из земли выскочили зелёнокожие – целые орды изливались из укрытий в стенах каньона и в скалистом грунте. Взревели тысячи орков, а над ними развевались украшенные клыками военные баннеры и знамёна, которые они захватили в прошлых битвах с Небесными Львами. Эта новая армия заполонила ущелье подобно песку в песочных часах, перекрывая все возможности отойти и исключая малейшие шансы на победу.

– Они знали, что мы придём, – сказал Экене. – Разве есть иная причина, почему они укрыли целые кланы под скалами, ожидая атаки? Они знали, что мы придём. Их вожаком был зверь в металлической броне – самый большой зелёнокожий, которого мы когда-то видели. Он пожирал трупы: и своих и наших. Капитан Вуларакх вонзил меч Дже'хара в брюхо твари – три метра вонючих кишок вывалились наружу. И никакого эффекта. Мы сражались и отступали, но знали, что нас предали.

Тут нечего было возразить. Предатель как-то сумел предупредить орков, и те извлекли максимальную пользу из засады. Пятьсот космических десантников могли захватить звёздную систему. В Манхейме они едва смогли спастись. Было трудно вообразить какое море зелёнокожей плоти нужно, чтобы вырезать столь много лучших воинов человечества, но я всего несколько месяцев назад видел океан ксеносов, который затопил равнины вокруг Хельсрича и хлынул на его стены, а потому мог представить произошедшее вполне точно.

– Это ещё не всё, – мрачно усмехнулся Дубаку. – Со стен каньона вели убийственно меткий снайперский огонь. Я говорю не о пулях, которые с грохотом вылетают из оружия зелёнокожих. Я знаю, как сражается этот вид ксеносов, реклюзиарх. Это были смертоносно точные лазерные винтовки, пробивавшие сверху шлемы наших офицеров. Военному вождю Дакембе попали в горло. Охотник за душами Азадах стоял на расстоянии вытянутой руки от меня. Прежде чем он успел использовать свои силы, ему раскололи череп двумя лазерными разрядами с разных сторон.

– Говорящих с мёртвыми, военных вождей, охотников за душами... даже вожаков прайда выкашивали слишком метким и эффективным для орков огнём.

Экене замолчал и я понял по его глазам, что он больше не видит транспортный отсек “Громового ястреба”. Он видит, как его братья гибнут в Манхейме – одним грубые металлические клинки пробивают керамику, других разряды раскалённой добела лазерной энергии повергают в ущелье.

– Четыре часа ушло, чтобы выбраться. Мы прорубили дорогу назад, оставив позади себя множество подбитых танков, убитых братьев и трупов забитых ксеносов. Геносемя половины ордена гниёт на дне каньона, несобранное аптекарями и осквернённое тысячами врагов, которых мы не смогли убить. Мы сбежали, – он выплюнул это слово, словно проклятье, – с поля боя. Самая доблестная битва Небесных

Львов в истории ордена – вот чем было это отступление. Никогда раньше мы не сражались против настолько превосходящих сил врага. Последние из нас прорубились из окружения, вытащили братьев из штурма клинков и направились в крепость. Зелёнокожие преследовали нас по пятам.

- Крепость пала, – тихо сказал я.

- Это подразумевает, что у нас был шанс защитить её, – покачал головой вожак прайда. – Ксеносы ворвались туда раньше, чем подошло большинство уцелевших братьев. Нам пришлось биться за то, чтобы выбраться из собственной захваченной крепости. И даже тогда на каждый улетевший десантно-штурмовой корабль приходилось два сбитых в пламени.

- Трон Императора, – тихо выругался Кинерик.

Дубаку кивнул:

- Выжившие вернулись в Вулкан. К вечеру у нас оставалось три офицера. Три офицера старше по званию вожака прайда. Вестник смерти Юлкхара, который называл вас братом, реклюзиарх; военный вождь Вакемби, последний капитан; и хранитель жизни Кей-Тукх, наш последний аптекарь. Будущее ордена зависело от его умений. И вы догадываетесь, что стало последним ударом, реклюзиарх? Последней сценой спектакля позора и предательства?

Мне нужны факты, а не собственные предположения.

- Скажи, – произнёс я.

Экене улыбнулся:

- За городскими стенами мы разместились на плохо освещённом недействующем литейном заводе, оставшиеся воины патрулировали рокритовый периметр. Кей-Тукх не пережил и первой ночи. Мы нашли его на рассвете сгорбившимся рядом с последним “Лэндрейдером” – аптекарию попали в глазную линзу. Геносемя, которое у него было, исчезло. И он больше не сможет ничего собрать. Итак, теперь вы видите всю тяжесть нашего положения, реклюзиарх. Мы лишились флота, склада оружия, офицеров и почти утратили надежду восстановить орден. После позорного отступления мы даже не можем цепляться за гордость. Всё что у нас осталось – правда. Мы должны продержаться как можно дольше, чтобы рассказать её. Империиум должен знать, что здесь произошло.

Я хотел сказать ему, что Империиум будет знать. Я хотел убедить его, что гибель всех его братьев не была напрасной. Я хотел сказать это, но невольно сорвавшиеся с моих губ слова были другими, зато точно более честными:

- Ты хочешь сказать, что вы все умрёте на этой планете.

Тёмные губы Дубаку изогнулись серповидной улыбкой:

- Конечно. Мы умрём рядом с нашими братьями, как и следовало. Вестник смерти Юлкхара хотел, чтобы вы знали правду о нашей последней битве и чтобы те в ком течёт кровь Дорна, никогда не сказали бы дурно о нашей гибели.

Я ничего не ответил. Они просили меня приехать, но я сам решу, как мне поступать.

Кинерик подался вперёд и вокс-динамики шлема не смогли полностью скрыть всплеск эмоций в его голосе:

- Вы должны вернуться на Элизиум. Переживите свой позор, раз должны. Как Багровые Кулаки пережили свой. Вы обязаны восстановить орден - галактика не может навсегда потерять Львов.

- Элизиум? Брат-рыцарь, орден так сильно пострадал, что не сможет восстановиться. Люди, материальная часть, знания... Ничего больше нет. У нас не осталось ничего, что мы могли бы передать следующему поколению. Вы оправдываете малодушие, подпитывая ложную надежду?

- Я оправдываю *выживание*, - прорычал Кинерик. - Выжить, чтобы сохранить драгоценную кровь и возвыситься снова, чтобы сражаться в другой день. Я надеюсь славно погибнуть, как и любой сын Рогала Дорна. Но даже в наших легендах о примархе, где он ради очищения заставлял воинов истекать кровью, он никогда не позволял им войти во вкус полного уничтожения. Иногда большая добродетель вынести позор и выжить.

Я смотрел на них обоих. Истина в том, что они оба правы. Нет единственно правильного ответа. В доблестной последней битве не больше и не меньше почёта, чем в сохранении бесценного ордена космических десантников. Но нет сомнений, что славнее. А что лучше для человечества. Я понимал рвение Экене закончить начатое и погибнуть рядом с братьями, оставшись им верными.

Но также понимал и неожиданную мудрость Кинерика - спасти душу ордена ценой собственного позора. Немногие Храмовники взяли бы на себя такое бремя. Это хорошо - значит, он может видеть оба пути, но я подумал, стал бы Кинерик оправдывать неудачу, если бы сам мог принять участие в столь славной последней битве. Легче говорить о позоре, чем пережить его.

В наступившем молчании мы приземлились в Вулкане. Чтобы мы, в конечном счёте, не решили - это должно утолить и горячее рвение Львов отомстить за Манхейм и холодную необходимость поведать о предательстве. Оба условия важны и оба приведут к очищению репутации Небесных Львов в глазах Адептус Астартес.

И ещё орден должен выжить.

Когда мы покинули "Громовой ястреб", Кинерик включил вокс-частоту, чтобы не услышали Львы:

- Меня беспокоит один вопрос, реклюзиарх.

Догадываюсь какой.

- Ты хочешь спросить, как всё началось - что совершили Львы, чтобы заслужить такую участь.

- Каждая месть с чего-то начинается, не так ли?

- Так. Мрачная истина берёт начало за десятилетия до сегодняшнего дня. Львов сейчас наказывают за то, что они пытались рассказать правду пятьдесят лет назад.

- Не понимаю.

Мы вышли с посадочной площадки, и как же прекрасно было увидеть не до конца разрушенный город. Вулкан осаждали не так сильно, как Хельсрич, и ещё много защитников стояло на его стенах. Центральным шпилем служил уродливый монолит, который и дал название улью. От основания пирамиды простирались безжизненные промышленные кварталы и транспортные станции. Большинство городских мануфактур располагалось в защищённых башнях и жизнь тех жителей, которым приходилось там работать, была совсем незавидной из-за газов кузнечных горнов и постоянно выходившей из строя системы вентиляции. Зато Вулкан гораздо легче оборонять, чем Хельсрич, а из-за отсутствия

центральной магистрали враги не смогли легко добраться до центра улья.

- У каждого ордена есть множество тайн прошлых войн, неискупленных позоров и оскорблённой чести. Львы не в первый раз встретились с Инквизицией.

- Запись Юлкхары, - ответил Кинерик. - Он говорил про "эхо Кхаттара".

- Кхаттар - это планета, где было положено начало ничтожной обиде. Там Инквизиция впервые предала Небесных Львов, - я, наконец, отвернулся от панорамы Вулкана и смотрел, как Львы разгружают десантно-штурмовые корабли.

- Ты можешь решить, что Львы обрекли себя на проклятье собственной же наивностью. К такому выводу пришли в других орденах, узнав о произошедшем.

Кинерик задумался:

- Вы восхищаетесь Львами, но считаете их наивными?

- Каждый, кто доверяет агенту Инквизиции, заслуживает, чтобы его так называли, Кинерик. Есть причина, почему Адептус Астартес держатся в стороне от Империиума - мы независимы и верны имперским идеалам, но гораздо реже мы верны тем, кто притворяет их в жизнь. Львы забыли это - вот их самая главная ошибка.

Четвёртая глава

Истории у костра

Инквизиции не существует.

Её не существует в том виде, в котором её представляет большинство имперских граждан - сплочённая взаимосвязанная паутина организованной власти. Отдельным мужчинам и женщинам даруют неприкосновенность от всех видов преследований и независимость от всех законов. Им даруют самую расплывчатую из добродетелей - *власть*. Всё остальное сводится к тому, чего они добились и накопленному личному влиянию. Когда инквизитор требует имперские ресурсы, он или она угрожают властью, а не какой-то существующей организацией, которая их поддерживает. Их сила одновременно абсолютно реальна и искусно иллюзорна.

Мужчины и женщины совершенно разных мировоззрений, тактик и целей. Они наделены величайшей властью, но они не единый враг, с которым мы могли встретиться и сразиться. Инквизиторы часто объединяются, но редко надолго. Даже их драгоценные ордосы - это разграничение по видам деятельности, философским специализациям и задачам, а не объединённые на единых принципах армии.

Они во всём и полностью противоположны Адептус Астартес. После Ереси нас лишили временной власти, но мы необходимы Империиуму и нам нет нужды притворяться, что мы повелеваем огромными силами. Наши военные флоты и братства говорят сами за себя.

Учитывая специфику войны, города Армагеддона наводнили отряды агентов ордо Ксенос и их боевые подразделения, но выступить против Инквизиции - всё равно, что выступить против колонии грызунов. Поимка одной крысы может вообще не отразиться на остальных. Многие инквизиторы на планете не имеют никакого отношения к преследованию Львов и даже если они и в курсе бед ордена - их это мало заботит. Я не мог просто подойти к ближайшему представителю ордоса и потребовать, чтобы он

рассказал всё что знает. Поскольку, скорее всего он не знает ничего.

Время - мой худший враг. Оно не на моей стороне. Нужно немедленно перейти к сути дела, но Инквизиция - это не зверь с одним сердцем. Каждый её отряд - независимое подразделение.

Мало орденов в курсе бойни на Кхаттаре, и ещё меньше хотя бы раз говорили о ней. Готов поспорить, что из тех, кто знал об уничтожении планеты, большинство не посчитало произошедшее реальной угрозой независимости Адептус Астартес и предпочло заниматься своими проблемами и войнами. Что касается остальных, то я могу с полной уверенностью говорить только о Чёрных Храмовниках, и даже наш орден скорее похож на несколько десятков независимых флотилий крестоносцев с собственными целями и традициями. Нас объединяет происхождение, а не совместные действия.

То немного, что мне известно про Кхаттар, сводится к столкновению гордости и долга между Львами и их союзниками из Инквизиции. Множество таких конфликтов происходит ежегодно по всему огромному Империи. Немало заканчивается кровопролитием. В случае со Львами сильнее всего раздражало то, что они предпочли действовать, сохраняя самообладание и разум, хотя имели полное право достать болтеры и закончить всё в грубой, но гораздо более действенной манере.

Львы - орден сказителей и певцов саг. Мы добрались до отдалённого промышленного квартала, когда солнце уже садилось за осаждёнными стенами улья. Временный оружейный склад Львов находился в самом центре обесточенного литейного завода, который окружали танки. В грохоте работавших вхолостую двигателей я почти слышал, как среди пустых болтерных стеллажей и ящиков боеприпасами шепчутся призраки.

Мы согласились поговорить о Кхаттаре. Я уже узнал, как двоюродные братья понесли такие потери. Теперь я хотел узнать, что произошло раньше.

Пришли семеро Львов - выжившие из отделения Экене - остальные готовились к приближавшемуся последнему бою или патрулировали. Им помогал Кинерик, я решил, что ему может пригодиться опыт пребывания в другом ордене.

Даже в глубине контролируемого имперцами города в воздухе витало напряжение перед атакой. Во рту появился неприятный привкус.

Итак, я сидел возле костра из мусора вместе с Дубаку и его гордыми воинами. Языки пламени отбрасывали на доспехи пляшущие янтарные тени. Всё выглядело, словно они рассказывали истории на Элизиуме, хотя над походными кострами в саваннах раскинулось небо, а не арочный свод заброшенной мануфактуры.

- Вы первый, - произнёс Экене.

Я не понял, о чём и сказал.

- Вы первый, - повторил он. - Вы пришли к нашему очагу. Традиция гласит, что первая история ваша.

- Чужаки всегда рассказывают первыми, - добавил один из воинов. - Так они платят за еду и отдых в лагере племени.

- Мне нечего рассказать.

Львы усмехнулись.

- Каждому есть что рассказать, - заметил один из них.

- Расскажите нам о Хельсриче, - предложил Дубаку.

- Нет. - Слово прозвучало резко, как выстрел из болтера, и они напряглись от неожиданного ответа. Я не хотел говорить о Хельсриче. Полученные уроки всё ещё ранили мою душу.

Они отреагировали на отказ, бегло переглянувшись и согласно зашептав, но воин по имени Джаур-Кем - оно было выгравировано на его нагруднике - откашлялся с почти забавной человеческой вежливостью.

- Реклюзиарх, - обратился он. - Расскажите, за что вас удостоили ухмыляющегося шлема вестника смерти.

Я почувствовал странное волнение, спускавшееся по позвоночнику:

- Отчёты о событиях в скоплении Пелегерон есть во многих архивах.

Львы снова рассмеялись, но в этом не было ничего обидного. Они достаточно мудры и не станут оскорблять капеллана, даже если он не из их рядов. Когда два ордена пытаются дружески общаться, возникает множество неловких моментов из-за бесконечных отличий между космическими десантниками разного происхождения. Вот над ними они и смеялись.

- Официальные документы скучны и унылы, реклюзиарх, - одобрительно жестикулировал Экене. - Расскажите, что вы видели. Вы окажете нам большую честь.

Я по очереди посмотрел на них. Прицельная сетка звенела и не фокусировалась, не считая Львов мишенями.

- Хорошо, - спокойно вздохнул я. - Есть древнее высказывание, что сентиментальность у человека в костях. Думаю, что во многих культурах с течением времени оно изменилось. Мой наставник, реклюзиарх Мордред презирал его, сказав, что его смысл противоречит заповедям Вечного крестового похода. Но мне всегда нравилась мрачная поэтичность. *"Никогда не будет войны за окончание всех войн"*.

Львы одобрительно зашептались. На своём родном мире они считали также.

- На четвёртой планете системы Пелегерон считали иначе. Восстание переросло в сепаратизм, а бунт в войну. Они называли её "Последней войной". "Войной за окончание всех войн". Если они всей мощью выступят против Империи, тогда человечество оставит их в покое и позволит жить, погрязнув в ереси. Они действительно верили в это.

Странно чувствовать вернувшиеся жестокие воспоминания. Есть какое-то звериное удовольствие в поте и яростных криках.

- Представьте крепость, которую построил сумасшедший. Планету причудливого тектонического гнева, столица которой стоит на одном из немногих пригодных для жизни устойчивых континентов. Представьте посреди рек лавы редчайшие на этом мире скалы, где живут сотни тысяч шахтёров, хотя планета продолжает сопротивляться человеческим прикосновениям. Вот что такое Пелегерон-4, кузены. Вот каким он был. Наполовину сформировавшийся мир с магмой вместо крови и дымом вместо воздуха, планета, которая всё ещё корчилась в затянувшихся родовых муках.

Дубаку улыбнулся:

- Вы лучший рассказчик, чем сами считаете, вестник смерти Гримальд.

Мне понравилось. Это не так уж сильно отличалось от оглашения приговора или чтения литаний ненависти.

- Последняя крепость называлась Пик, как и кратер, на котором её построили. Мало в каких геологических архивах можно найти информацию о вулкане большем, чем гигант на Пелегероне-4. Он затмевал даже гору-кузню Олимп на Священном Марсе. Пик - нарыв на земной коре Пелегерона величиной с небольшой континент. Его заражённые корни тянулись к ядру планеты. В мирное время Империи долбил и бурил его всё глубже. С началом войны он превратился в цитадель вражеской секты. Нам предстояло атаковать их последний оплот раньше, чем они закроют его изнутри.

- Вы сказали, что враги называли кампанию Последней войной, - перебил один из Львов. - А как её называли ваши чёрные рыцари?

- Винкулский крестовый поход. Он закончился битвой огня и крови. Во многих архивах есть записи поединка между Винкулом и архиеретиком на крыше собора. - Я покачал головой. - Этого никогда не было. Но когда правда имела значение для имперских летописцев?

Послышалось несколько мрачных усмешек. Я едва обратил на них внимание. Мне снова стало жарко. Безумный жар последних часов внутри горы.

- Вулкан пронизывали огромные и широкие транспортные коридоры, по которым в промышленные пещеры въезжали и выезжали топливозаправщики и грузовые машины, но их закрыли и защитили от воздушных ударов. Нам потребовалось бы несколько недель бомбардировок, чтобы пробиться внутрь. Поэтому пришлось атаковать центральные ворота главной магистрали, хотя мы и не могли высадить там всю армию.

Я посмотрел на воинов, не уверенный, что должным образом сумел передать тот день. Они слушали, внимательно ловя каждое слово.

- Я стоял в авангарде среди Братьев Меча верховного маршала Людольда. Нам предстояло удерживать ворота, пока остальные будут подниматься по склону горы. Возле ворот не было места для развёртывания войск, поэтому сёстры из ордена Кровавой Розы и наши братья приземлились на сейсмически устойчивых плато и оттуда устремились на скалы. Авангард высадился на десантных капсулах, миновав столь загрязнённую атмосферу, что человек без противогаза умер бы от удушья. Нас было тридцать. Тридцать рыцарей - избранные верховного маршала.

Я посмотрел Львам в глаза, хотя они видели только линзы шлема.

- Так всё начиналось. *Удерживать ворота* потребовал наш повелитель. *Удерживать, пока не подойдут остальные.* И ничего больше.

Он хотел дать выход гневу, но дыхания не хватило даже на крик. От утомлённой ярости опускаются руки, обволакивая вялой негой. Никогда ещё он не чувствовал себя настолько истощённым и обессиленным. Война превратилась в работу - изнурительную рутинную бойню, свелась к взлётам и падениям клинков, к сжимавшимся и разжимавшимся пылающим мускулам.

Повсюду на скалистой земле валяются убитые враги. Те из братьев, кто ещё жив, сражаются перед

баррикадой из облачённых в броню вражеских тел. Визжащим безумцам, которые атакуют рыцарей, не ведом страх. Они задёшево растрачивают свои жизни, нападая вопящей ордой.

- Ай-Ай-Айййййй, - визжат ублюдки и бегут на клинки палачей. - Ай-Ай-Айййййй.

Рыцарь слышит, как его сеньор перекрикивает хаос. Это не приказы, да и не нужны они, когда можно только сражаться и умирать. И это не вызов на поединок – мы не отступаем и это уже само по себе вызов. Нет, он слышит как его повелитель – золотой воин – смеётся.

Это путь Людольда. Одной ногой верховный маршал стоит на гряде тел, размахивая и пронзая унаследованным мечом в непрерывном размытом пятне атакующей стали. И смеётся в пекле лихорадочной битвы.

А вот Гримальду едва хватает дыхания, чтобы выругаться. За него поёт цепной меч: рык жужжащих зубьев сменяется приглушённым мясом рёвом, когда клинок погружается в человеческую плоть.

Внизу имперская армия с трудом продвигается по горному склону. Солдаты-сектанты Пелегерона поняли, что мятеж провалился, и больше не сражаются за свою извращённую истину. Они сражаются за свои жизни и проигрывают. Их города стёрли в пыль. Их цитадель осадили.

И это произошло. Ужасный переломный момент, который нельзя предугадать – защитники перестали обороняться и начали отступать отбиваясь. Что-то переменялось в отравленном воздухе, изменились злобные крики, которые волнами поднимаются над любой армией.

Не было никаких предупредительных воплей, но паника распространилась, подобно всепожирающему пожару в папоротниковом лесу. Они больше не отступали и отбивались, а бежали. Защитники дрогнули, повернулись и обратились в бегство. Началась резня. Солдаты, которые всего несколько секунд назад с фанатичной гордостью противостояли нападавшим, сейчас умирают убитые в спину. На взгляд рыцаря это самая трусливая смерть.

Гримальд бьётся рядом со своим лордом, а с высоты на него смотрят каменные ангелы, зовущие верующих в подземную крепость. Шлем сорвали почти час назад и улучшенным лёгким тяжело в душном воздухе. Но он стоит, сражается и ни разу не опустил меч.

Враги набрасываются на него, жертвуя собой, чтобы получить шанс схватить рыцаря за руки или ноги и повергнуть на землю. Он убивает их клинком, ботинками и кулаками. Они всего лишь люди, говорит он себе. Всего лишь люди. Их кости ломаются. Брызги крови окрасили табард в бледно-розовый цвет. Он убивает почти всех настолько быстро, что они едва успевают вскрикнуть. Что касается других, то без кислородных масок, в которых еретики выглядят как насекомые, они задыхаются и умирают, не заслужив смерть от клинка. Чтобы мятежник сдох достаточно сломать респиратор.

Огромные ворота уже не смогут закрыть. И дело не только в том, что чёрные рыцари сразу после приземления взорвали механизмы мелтазарядами. Магистраль завалена таким количеством трупов, что просто невозможно плотно свести створки. Со звериной обречённостью богохульные еретики защищают город-храм от осквернения. Группы пропотевших солдат пытаются закрыть гигантские каменные ворота, пока их братья гибнут под клинками чёрных рыцарей.

Первым имперским воином, который добирается до Храмовников, оказывается лично Винкул – лорд Инквизиции и временный командующий войсками Адептус Сороритас. Ему, как и следовавшим за ним,

приходится идти по грудам трупов.

Его ждёт верховный маршал Людольд и девять выживших Братьев Меча. Гримальд один из них. Он измотан и тяжело дышит.

Нет ничего постыдного в том, чтобы опуститься на колени. Они сражались почти три часа в одиночестве и даже без намёка на подкрепление. Они перебили сотни врагов. Братья Меча устало стоят на коленях среди трупов еретиков, воспользовавшись драгоценной передышкой. Некоторые даже не могут поднять голову. Они – космические десантники, им хватит для восстановления нескольких минут там, где обычным людям потребуются дни. И всё же они смертные воины – их тела мучительно ноют, а бионические конечности вышли из строя из-за перегрузки суставов.

Но один стоит. Он не опустится на колени. Он не опустится на колени.

- Ты хорошо сражался, – говорит его сеньор. – Я начинаю думать, что ты родился в рубашке, Мерек.

Гримальд выдёргивает из подмышки иссечённой брони штык, и отшвыривает, даже не стерев кровь. Он отдаёт честь повелителю, складывая руки символом крестоносца, предоставив ране самой затянуться.

Людольд сражался без шлема, позволяя трём лёгким очищать грязный разреженный воздух. Гримальд замечает, как зрачки верховного маршала движутся влево и поворачивается, чтобы посмотреть, куда направлен взор командующего.

Среди мёртвых стоит Мордред – реклюзиарх Вечного крестового похода. Он молча наблюдает за новым Братом Меча Людольда пристально глядя на Гримальда красными линзами ухмыляющегося серебряного черепа.

Внутри города-храма.

Вместо улиц – широкие туннели, прорезанные в горе. Гигантские колонны поддерживают своды рукотворных пещер. Дома и святилища защищают пронзительно вопящие, распевające молитвы и сжимавшиеся от страха люди.

Война закончилась – началась резня. Из опалённых сопел священных огнемётов вырываются брызги химического огня. Болтеры грохочут в неумолимом ритме. Земля завалена корчащимися горящими телами.

Сложная вентиляционная система подземного города не справляется с очисткой воздуха. Огонь пожирает кислород раньше, чем космические десантники и сёстры битвы успевают его вдохнуть. Во время продвижения по склону имперцы надели противогазы, сейчас им пришлось снова так поступить, чтобы не задохнуться внутри кратера.

Шахты находятся глубоко в недрах вулкана, но жилые кварталы огромного города построили гораздо ближе к поверхности. Путь до сердца ереси займёт менее часа и Гримальд – воин, которого не впечатлили ни союзники, ни враги – благоговел, смотря на высеченный в горящей скале собор. Под закрытыми небесными туннелями стояли большие посадочные платформы, металлические части которых пострадали от магмы. На них дозaprавлялись корабли с паломниками и рудные транспорты, прежде чем направлялись в недра горы.

Геологический памятник планетарной власти занимал километры огромной пещеры. Собор был неотъемлемой частью скалы – его колонны и укрепления вырублены в стенах пещеры, нависавших над расплавленным потоком. На мгновение текущее озеро магмы напомнило Храмовнику подземную реку в одном из многочисленных человеческих мифов.

Последние выжившие мятежники бегут от наступающих имперцев, заполнив земляной мост перед храмом. Они умирают, убитые в спину.

Верховный маршал Людольд ведёт воинов по каменному пролёту над расплавленной бездной. Он указывает клинком на украшенные ангелами стены еретического собора, и вперёд устремляется кричащая волна чёрных рыцарей.

- Уничтожьте генераторы, – раздаётся приказ Винкула в треске вокса. – Я хочу, чтобы небесные шахты открылись раньше, чем солнце взойдёт над этой никчёмной планетой.

Ему вторит верховный маршал:

- И убейте всех до единого в храме.

Мечи вонзаются глубоко в плоть, и кровь стынёт в жилах. После казней они находят архиеретика – он один, без оружия и плачет. На нём нет ниспадающей жреческой мантии, и он не восседает на украшенном троне из золота и вулканического стекла. Они находят человека в шахтёрской спецовке и в респираторе, который задумчиво молится на коленях на зубчатой стене собора. По щекам предателя серебрятся медленно текущие слёзы. Но он даже не открыл глаза, когда сзади приблизились убийцы.

Гримальд один из них – стоит за плечом сеньора. Он напрягся от нетерпения, желая первым шагнуть вперёд. Людольд останавливает его жестом.

- Нет, – говорит верховный маршал чёрному рыцарю. – Не ты.

Цепной меч Храмовника гудит в тихом неподвижном раскалённом воздухе.

Винкул – такой смертный и такой тщедушный – выходит вперёд. Рядом с космическими десантниками он выглядит слабым, но голос инквизитора холоден, как металл.

- Именем Бога-Императора Человечества, – обращается он к стоящему на коленях еретика, – я объявляю тебя *diabolus extremis*. Ты не имеешь права жить в галактике Его Божественного Величества.

- Вы не понимаете, – отвечает плачущий сектант. Он не двигается и не пытается убежать, когда Винкул подходит сзади, неся смерть на коротком силовом клинке. – Я – сосуд. Всего лишь сосуд.

Острие священного меча касается позвоночника врага. Инквизитор собирается с силами перед ударом, который положит конец предателю и войне. Еретик смотрит заплаканными глазами на рыцарей:

- Простите меня.

- Остановитесь, – выступает вперёд Гримальд, предупреждая поднимая руку.

- Остановитесь! - поддерживает его Мордред, произнося те же слова и отдавая тот же приказ.

Лезвие глубоко вонзается в тело человека. Называвший себя сосудом падает на камни, умирает и разваливается на куски, высвобождая содержимое. Из раны вырывается поток скверны, призрак маслянистого дыма превращается в растущее облако и впивается в выпученные глаза и открытый рот Винкула. Вдохнув, инквизитор обрекает себя на смерть.

Реклюзиарх первый срывается с места, высоко подняв крозиус. Спустя удар сердца за ним с ревушим цепным мечом бросается Гримальд. Инквизитор кричит, отступая, и скрюченными пальцами вырывает глаза. Они легко вываливаются из глазниц вместе со свисающими внутренностями, и он держит их так, словно протягивает двум атакующим рыцарям.

Винкул падает и визжит, его рвёт влажной чернотой, которая не может существовать в человеческом теле. Мордред и Гримальд рубят его на куски, как будто пытаются вырезать скверну из новой оболочки. Инквизитор смеётся и извергает мерзость. Воздух вокруг сгущается, как перед раскатом грома. И он грянул - тело Винкула взрывается изнутри.

С последним мощным ударом опускается беспричинная и беспросветная тьма.

Первым, что он почувствовал, оказалась привычная боль израненного тела. Жизнь - это война, а война - это боль: эту истину он постигал множество раз. В ней нет ничего неизвестного, он видит её точно также как гаснущие биометрические показатели на ретинальном дисплее. Боль всего лишь означает, что он ещё жив.

Гримальд поднимается, ботинки глухо стучат по опалённому каменному мосту над пропастью жидкого огня. Доспехи на полпути к полному уничтожению: обожжены, исцарапаны и пробиты. Из силовых кабелей вместо крови бьют искры. Взрыв обрушил собор и расшвырял имперцев по всей пещере. Огромные куски кладки продолжают дождём падать в пламенную бездну.

Повсюду тела. Мёртвые рыцари, мёртвые Сёстры и сотри мёртвых еретиков. Среди трупов начинают шевелиться выжившие. Но их мало. Некоторые уже стоят, сжимая оружие. Но их мало.

Три минуты. Если верить данным ретинального дисплея, то он был без сознания целых три минуты. Он наложит на себя епитимью за эту слабость, если переживёт ночь. Не важно, что почти все в пещере тоже потеряли сознание - он счёл это слабостью, которая заслуживает наказания. В его венах горит мученическая кровь Дорна.

Демон шагает среди трупов, охотясь на уцелевших, и отшвыривает в сторону несколько мечей, которые преградили ему путь. Он - бурлящая масса самых глубинных кошмаров, которые обрели форму; потаённых чувств, которые появляются, когда смотришь в бесконечную тьму огромного океана, не зная, что находится за пеленой человеческого зрения.

Сначала существо было размером с человека, телом которого оно завладело, но ядовитая тварь уже раздулась до отвратительной истинной величины, и крушила тела хрящевыми когтями. Боковым зрением Гримальд видел её танец - создание находилось одновременно в двух мирах и ни в одном. От пульсирующего звона целеуказателя у рыцаря заслезились глаза, мозг болел от греховного созерцания варп-отвращения.

Людольд - верховный маршал Чёрных Храмовников сражается с демоном на каменном мосту. У его

ног лежат облачённые в броню воины: Джасмин – настоятельница Кровавой Розы и Ульрик – чемпион Императора Винкулского крестового похода. Два великих героя, каждый из них с полным правом мог называться чемпионом человечества, погибли, пока Гримальд поддался слабости и потерял сознание. Он клянётся, что эпитимья продлится долго, очень долго.

Повинуясь какому-то порыву, он смотрит вверх и выискивает какие-нибудь повреждения на громадном потолке пещеры. Он не хочет быть погребённым здесь – ни мёртвым, ни живым. Секунду спустя он включает вокс-связь:

- Брат Меча Гримальд – “Вечному Крестоносцу”. “Вечный Крестоносец”, ответьте.

- Брат Меча.

- Генераторы отключены и небесные туннели открыты.

- Понял, Брат Меча. Мы в пути.

Чёрный рыцарь тянется за клинком, но его нет. Тогда он берёт оружие убитого. Цепь, которая соединяла меч и броню, висит разорванная.

Людольда вынудили перейти к обороне – парировать, а не рубить. Каждый взмах реликтового клинка отражает очередной удар клыкастых щупалец или мясистых когтей. Довольно скоро он начинает отступать, молча ругаясь с каждым шагом.

Ему больно, как никогда. Ни одно существо не может быть настолько сильным. Ни одна тварь варпа прежде не испытывала так его воинов. Ульрик – несравненный воин – обменялся с демоном всего семью ударами, прежде чем когти монстра выпотрошили чемпиона. Джасмин продержалась не дольше – её разрубленное пополам тело лежит накрытое её же алым знаменем.

Они не могут убить его. Они не могут взять его числом. Мастерство бесполезно против его скорости. Тварь обрушивает такие удары, что немеют мышцы. С каждым её выдохом в прогорклый воздух брызгает слизь, застилая взгляд лорда-рыцаря.

Демон расшвыривает рыцарей и Сестёр – переломанные и разорванные тела падают в пылающую бездну. Очередной Храмовник встаёт рядом с верховным маршалом и умирает спустя удар сердца. Ещё один попадает под мощнейший взмах когтей и стремительно падает с каменного моста в реку магмы. Затем гибнет Сестра – она горит и кричит, когда монстр рёвом отшвыривает назад пламя её же огнемёта. Тошнотворное размытое пятно снова поворачивается к Людольду.

Он рискует потянуться за гранатой на поясе, но тварь обрушивает удары на клинок. Ему нужны обе руки, чтобы защищаться. Вот сеньор уже опустился на колени среди мёртвых имперцев, парируя удары над головой. Ему нужна секунда, всего одна секунда, чтобы дотянуться...

Демон давит на меч. Верховный маршал сопротивляется изо всех сил, чувствуя, как от напряжения трещат мышцы. Едва он отбрасывает коготь назад, как снова приходится вскидывать клинок, останавливая очередной удар.

Это никогда не закончится. И тут падающий коготь блокирует булава. Энергетическое поле оружия трещит от перегрузки, уступая мощи зверя.

- Мордред. - Смеётся Людольд.

Но это не Мордред. Другой воин сражается крозиусом реклюзиарха.

Красный плащ Брата Меча Гримальда объят пламенем. Богато украшенные доспехи превратились в обломки из покрытых вмятинами пластин брони и почерневших цепей.

- Сир, - выдыхает он в вокс. Улыбка судьбы.

Верховный маршал успеваешь отпустить одной рукой меч и отстегнуть священный зажигательный заряд на поясе. Граната свободна. Людольд с такой силой нажимает на кнопку активации, что ломает оболочку бронированного шара. Он поднимает священный символ, вызывая крича в ревущую морду демона.

Командующий швыряет гранату, но не в тварь, а ей под ноги.

Сфера Антиоха - один из самых редких и священных боеприпасов ордена. Первым её создал тысячелетия назад технадесантник Антиох из Чёрных Храмовников. Она во много - очень много - раз мощнее обычной гранаты других орденов Адептус Астартес. В компактном взрывном устройстве смешаны освящённые масла и святые кислоты. Каждый шар - истинный шедевр, украшенный своими собственными проклятиями, благословениями и мандалами на высоком готике. Граната убивает, как правых, так и виноватых, но сфера Антиоха гарантирует, что богохульник умрёт в пылающей агонии.

Шар врезаётся в мост и взрывается. Людольд и Гримальд уже отступают, но не поворачиваются к врагу спиной, рискуя ослепнуть, зато увидеть смерть монстра. Расцветает белая солнечная вспышка, омывая демона священным огнём и разнося вдребезги камни. Мост начинает падать и разрушаться, а следом за ним и многие поддерживающие пещеру колонны.

Падает и объятая пламенем тварь. Её вопли не смолкают даже, когда она погружается в магму. Гримальд отходит по обваливающемуся мосту и, не веря своим глазам, с отвращением смотрит на мечущееся в лаве существо. Плоть порождения варпа вспыхивает, но оно продолжает молотить щупальцами, разбрызгивая жидкие камни.

Новые конечности отрастают вместо расплавленных. На серой кальмаровой плоти распахиваются новые пасти и с воплями закрываются. Некоторые заливают лава, из других выплёскивается рвота.

Людольд спотыкается, когда под его весом начинает оседать скала; Гримальд рукой в латной перчатке хватается за ворот золотых доспехов и оттаскивает от пропасти.

- "Громовые ястребы" в пути, - ворчит Брат Меча, спасая лорда.

- Тварь ещё жива, - предупреждает верховный маршал.

Гримальд и сам это видит:

- Пока жива.

Они открывают огонь. Грохот болтеров эхом отлетает от стен, когда имперцы стреляют в расплавленные камни - несколько десятков истекающих кровью выживших Сестёр и чёрных рыцарей

стоят среди сотен трупов.

Умиравший демон не обращает внимания на все их усилия. Подводная головоногая тварь молотит бесчисленными извивающимися щупальцами. Вопя в брызгах магмы, она проявляет свою подлинную сущность – аватара боли. У неё нет чёткой формы, и взгляд смертного не может постичь, что она такое. Она – это пойманные чудовищем из мифов человеческие души. Она раздувается и пульсирует, страдая от тысяч разрывных снарядов, которые впиваются в её плоть.

Болты взрываются в ней, расплёскивая лаву вместо крови и плоти. А тварь начинает ползти вверх. Мучительно метр за метром создание из камня и расплавленного шлака ползёт по стенам пещеры, выискивая выживших букашек, которые мучают его, потоком булавочных уколов. Имперцы чувствуют ненависть демона, словно ветер на лицах. Он презирает их за грех жизни. Его ненависти хватает, чтобы поддерживать существование даже после таких повреждений.

Тварь не добирается до них. Она останавливается возле поддерживающих свод пещеры колонн. Обвивает их. Сжимает их. Ломает их.

Крушит их. Одну за другой, монстр прокладывает себе путь, разрывая колонну за колонной, в гневе обрушивая пещеру.

Ничто в материальном мире не может игнорировать раны вечно. Когда начинают рушиться скалы, вопли существа сменяет жалобный вой. Священная сфера и разрывные раны от бесчисленных болтов отняли последние силы. Оно крутится на очередной колонне – извивающиеся щупальца никак не могут зацепиться. Дёргаясь и кувыряясь, тварь летит вниз в каменном дожде. Обломки скал падают на пол пещеры и остатки моста, поднимая пыль.

Рыцари и Сёстры окружают упавший ужас и казнят его клинками и пламенем. Монстр слабо отбивается, но не может никого убить. Он обваливается внутрь себя, распадается и отравляет воздух зловонными парами из рваных ран.

Никогда после победы не наступает тишина. Поле битвы оглашают крики умирающих и рёв пламени горящих танков. Здесь под землёй тишину прерывает грохот падающих камней и низкий гул дрожащей земли.

Первые десантно-штурмовые корабли вылетают из небесных туннелей. Снизу на свод пещеры смотрят рыцари и воительницы, молясь за “Громовые ястребы”, которые лавируют среди резко падающих горных пород. Сталактиты проливаются потоком земляных копий. Объятые огнём крутящиеся остовы сбитых кораблей разбиваются вместе со смертоносным каменным ливнем.

Неожиданно Гримальда потрясает удар, и Храмовник теряет равновесие. Но это не камень – над рыцарем возвышается реклюзиарх Мордред, пристально и бесстрастно уставившись на него красными линзами серебряной лицевой пластины шлема-черепа.

– Украсть оружие капеллана, – рычит воин-жрец, – один из самых тяжких грехов.

Лёжа на земле Гримальд смотрит на реклюзиарха. Брат Меча почти поддаётся порыву вскочить на ноги и наброситься на нападавшего. Но сдержанность одерживает победу посреди каменного шторма.

– Я думал, что вы погибли.

Мордред не отвечает. Он протягивает руку и ждёт с безумным спокойствием, пока вокруг рушится мир.

- Это всё? - спросил Экене. Все Львы смотрели на меня.

- Так закончилась битва.

- Значит, вы получили ухмыляющийся череп за доблесть.

Я и сам не знал ответ. Мордред всегда игнорировал мой вопрос о причине, считая его бессмысленным. В таких случаях он говорил: *"Важен результат, а не решения, принятые для его достижения"*.

- Я был одним из тех, кто удержал ворота. Я первым почувствовал, что Винкул изменился и действовал вместе с Мордредом. Я защищал сеньора оружием капеллана и удержал его на краю пропасти.

- Эти деяния великолепно смотрятся в свитках почёта, - заметил Дубаку. Вожак прайда не глуп. Он же мог сказать, что я что-то скрываю. - Но я чувствую, что это не всё.

- Не всё, - согласился я. - Ничего драматического или героического. Только любопытство, от которого я так и не сумел избавиться.

Осталось всего два десантно-штурмовых корабля.

Первый поднимается под градом камней на пронзительно воющих протестующих двигателях. Секунду спустя он отрывается от обваливающейся земли, с лязгом убирает шасси и взрывается в яркой вспышке прометия. Челнок раздавила упавшая колонна и его обломки продолжают подёргиваться - похоже на судороги убитого животного - даже когда двигатели уже затихли.

Последний "Громовой ястреб" выпускает вихревые реактивные струи, от которых обжигает лёгкие, и начинает взлетать. Последние рыцари бегут и прыгают на погрузочную рампу, поднятую ожидавшими их братьями.

- В космос, - приказывает Людольд, он тяжело дышит и прислоняется спиной к стене грузового отсека. - Доставь нас в космос, Артарион.

Пилот подтверждает получение приказа и начинает набирать высоту.

- Гримальд, - верховный маршал стоит рядом с Мордредом, и его обветренное лицо резко контрастирует с посмертной маской капеллана.

- Сир.

- Ты последний из рыцарей в красных плащах.

Мгновение Мерек сомневается и почти возражает, что это невозможно. Но он стоял рядом с верховным маршалом, который наблюдал, как остальные эвакуируются, не желая покидать поле битвы раньше своих людей и союзников. И он не видел других выживших Братьев Меча.

- Возможно это так, сир.

- Это так, - Людольд поворачивается к Мордреду. - Я же говорил тебе, что он любимчик судьбы?

Реклюзиарх ничего не отвечает, а просто смотрит ухмыляющимся черепом.

Львы кивали друг другу и улыбались.

- Значит дело не только в доблести, - рискнул высказаться Экене. - А ещё и в везении. Вы выделялись среди братьев удачей не меньше чем свирепостью.

- Может быть, - согласился я. - Мордред был человеком настроения. Я так никогда и не узнал, почему он выбрал меня.

- Или почему ему велели выбрать вас.

- Или... что? - я редко терял дар речи. В эту ночь я почувствовал, как слова и воздух застряли в горле.

Или почему ему велели выбрать вас. Как мне велели выбрать Кинерика.

- Я не хотел обидеть, - произнёс Дубаку.

- Всё в порядке, никаких обид, - я едва не улыбнулся, хотя они всё равно бы ничего не увидели. Моя лицевая пластина - бывшая лицевая пластина Мордредра - позволяет скрывать эмоции. - Я рассказал историю, кузены.

- Мало крови, - заметил один из Львов, заслужив одобрение братьев.

- Вот и ещё одна причина никогда не доверять слабым жалким людишкам из Инквизиции, - добавил вожак прайда. Что вызвало ещё несколько усмешек. - Но я бы взял себе трофей. Коготь для клинка.

Само собой остальные Львы поддержали его добродушным рычанием.

Я начал понимать, что непринуждённость в общении вызвана не недостатком дисциплины, а беззаветным братством. Любопытно насколько разными бывают ордены из одного геносемена. Так повлиял на них родной мир, где они родились. Место рождения для Храмовников не значило почти ничего.

- И так, кузены, я заплатил вам. Расскажите мне то, что я хочу знать. Расскажите о Кхаттаре.

Пятая глава

Смертный приговор

- Кхаттар, - Экене произнёс название планеты, словно ругательство.

- Кхаттар, - эхом отозвались несколько Львов. Они сняли шлемы, и тёмные лица выглядели бронзовыми в свете костра. Они не были офицерами, и старались не смотреть долго в мою сторону. Хотя порой я замечал их случайные взгляды на табард, геральдические изображения или на блестящую серебряную лицевую пластину шлема-черепа.

- Это была не война, - сказал один из них.

- А всего лишь бойня, - продолжил воин с противоположной стороны костра. Их манера рассказывать была похожа на ритуал. Все голоса равны. Каждая история важна.

Главное повествование вёл Дубаку:

- Я ни разу не присутствовал на советах командующих ордена. Но я был там. Я был на Кхаттаре.

- Я был там, - тихо хором отозвались остальные. Вокруг нас среди немногочисленных уцелевших танков патрулировали выжившие Львы. Технику опалило пламя, а лазурную краску запятнал дым. Дубаку и его братья подобно духам путешествовали в воспоминаниях мёртвого ордена.

- Кхаттар был планетой жрецов и проповедников, - начал вожак прайда. - Адептов и верующих.

- Мир Экклезиархии, - произнёс я. Львы не посчитали, что я перебил их. Почти все кивнули, а Экене улыбнулся.

- Именно так, реклюзиарх. Мир пленённый башнями из слоновой кости священников Имперского Кредо.

- Но проросла порча, - добавил один из воинов. По свиткам на наплечниках я понял, что его зовут Джехану. Лев выглядел молодо - ещё совсем недавно он был скаутом. Возраст космического десантника можно определить по шрамам.

- Их вера прокисла, как вино, - продолжал Джехану. - И позвали нас.

- Духовенство сбилось с пути, - сказал Дубаку, - как часто случается в наших историях о Последней Эпохе Человечества. Они стали молиться богам за Завесой, и тёмная ложь отвратила верующих от света Императора, распространившись в высших эшелонах власти и в самых дальних уголках планеты.

Снова заговорил Джехану:

- Вы спросите, что же проповедовали жрецы, раз смогли отравить души целого мира?

Интересно инструктажи перед заданиями они проводили в той же манере - рассказывая друг с другом? Любопытный обычай.

- Богохульство, - изумлённо фыркнул один из Львов. - Богохульства и лжи оказалось достаточно, чтобы им поверили люди, уставшие, что их молитвы остаются без ответа.

Остальные кивнули. Я подумал насколько это верно. Император бессмертен и бесконечно могуч. Но он - не бог. А люди в счастливом невежестве поклонялись ему, как божеству. Конечно, ложные боги не отвечают на молитвы. Насколько же соблазнительным может показаться для далёких от Терры сект и общин поиск иных ответов, пока Император молчит.

- Вы спросите - где были защитники планеты? - оскалился в мрачной улыбке Экене. - СПО не исполнили долг и не вычистили ересь. Они присоединились к ней. И это ещё не всё - их примеру последовали полки Имперской гвардии в соседних системах. Настолько свирепым оказалось богохульство Кхаттара.

- Аполлион, - снова говорил молодой Лев. - Так звали инквизитора, который молил нас о помощи, молил, чтобы мы помогли сокрушить нечестивую ложь, когда он терпел поражение за поражением.

Смотревший на пламя вожак прайда поддержал Джехану. Я увидел искорки воспоминаний в его глазах:

- Имперский флот блокировал планету, но им некого было высадить на поверхность. Поэтому из-за неудач Аполлиона мы десантировались в полном составе. Нас были сотни, реклюзиарх. Мы обрушили священный огонь, святое оружие и истинную веру на мир, который забыл все эти три добродетели.

- Началась резня, - продолжал Джахану.

- Что они могли противопоставить нам? - произнёс Лев по имени Ашаки. - Они - простые люди, следовавшие за ложными пророками. Мы сокрушили их.

- Всех, - усмехнулся Джахану. - Всех вооружённых мужчин и женщин.

Снова заговорил Экене:

- Мы подавили восстание за считанные недели. На Кхаттаре не осталось ни одной армии, даже ополчения. Не осталось ни одного священника. Покончив с сопротивлением, мы вернулись на корабли. Какой бы ереси на взгляд других не придерживалось беззащитное население - это уже не было делом болтеров и клинков.

Джахану неприятно рассмеялся:

- Столь сильно мы верили нашим союзникам.

- Как после любой зачистки, - продолжил Дубаку, - мы решили, что настало время проповедников Кредо, которые поведут заблудшую паству назад к просвещению.

Экене начал чистить болтер. Потом отложил в сторону и снова посмотрел на пламя костра:

- У нас ушло несколько дней, чтобы починить технику, почтить мёртвых и подготовиться к отлёту. Внизу на планете работали мелки сошки Аполлиона, оценивая, насколько далеко отклонились от истинного пути восемь миллиардов людей. Едва мы покинули орбиту, как флагман инквизитора открыл огонь. К нему присоединились корабли Имперского флота, обстреливая города и крупные населённые пункты.

- Мы наблюдали за тем, - произнёс Ашаки, - как бомбили мир, который мы только что очистили кровью от порчи. Вместе с городами сгорела наша честь. Все наши усилия оказались напрасны.

Я молчал, ожидая, что скажут остальные.

- Повелители ордена потребовали прекратить обстрел и объясниться, - Ашаки плюнул в пламя костра. - Аполлион заявил, что всё население погрязло в ереси и их уже не спасти. Он даже поблагодарил нас за "достойные усилия несмотря на их тщетность".

- Час спустя, - подхватил Джахану, - города Кхаттара превратились в пыль.

Я медленно вздохнул, подбирая слова:

- Возможно, его вывод был правильным. Абсолютно ясно, что ересь пустила корни на Кхаттаре. Вполне вероятно, что она проросла так глубоко, как и утверждал инквизитор.

Львы расшвыривали. Я мог бы сказать, что они хотели дать выход гневу, но шлем-череп, который я носил, остановил их порыв. Как и то, что я способен убить любого из них, даже не сбив дыхание.

Первым ответил Ашаки:

- Вы утверждаете, что он сумел проверить на ересь несколько миллиардов людей за считанные дни?

- Нет. Я утверждаю только то, что могу за один удар сердца увидеть порчу в умах смертных, а человек ранга Аполлиона может позволить себе не рисковать.

- Вы на его стороне? - прорычал Экене.

Слова, которые я вспомнил в тот миг, были словами Мордредра. Я мог просто открыть рот и повторить их, как если бы наставник был ещё жив и говорил мне, что думать и кого убивать.

Когда наказывают виновных - всегда гибнут и невинные. Разве не так? По каким добродетелям мы судим о морали? Жизнь. Долг. Необходимость. Мы скорбим о невинных, которые лежат в братских могилах с виновными, и идём дальше. Имперуум вырос на крови мучеников.

Ничего из этого я не сказал, хотя всё было верно и вполне достаточно. Дубаку воспринял моё молчание, как неуважение.

- Вы считаете, что его можно оправдать? - почти прорычал Лев. - Можно оправдать убийство миллиардов мужчин, женщин и детей только из-за вероятности порчи? И нам надлежало проигнорировать произошедшее?

До Хельсрича я бы точно ответил - да. Но не теперь. Баланс. Баланс между гневом и мудростью. Я смотрел на вожака прайда и по-прежнему молчал. Он вспомнил с кем разговаривал и склонил голову в едва заметном извинении.

- Смири злость, Экене, здесь она бессмысленна. Аполлион действовал в рамках своих полномочий. Он поступил так же, как поступают многие инквизиторы. Он совершил то, что совершили бы многие магистры орденов. Но это не мудро, правильно или добродетельно. Это просто случилось.

- Он хотел замести следы какой-то нечестивой тайны, - возразил Джехану, и братья кивнули соглашаясь.
- История пахнет желанием скрыть какую-то серьёзную ошибку, разве не так?

- Возможно. Но почему он вызвал орден космических десантников, если хотел скрыть что-то важное? В этом случае получается, что Аполлион всего-навсего поспешивший глупец, для которого жизнь не значит почти ничего. Это прискорбная истина, и нам предстоит с ней жить. Едва ли он первый человек, который получил огромную власть и оказался испорчен ею.

- Вы равнодушный, как и все вестники смерти, - ответил Экене, но гнев покинул его слова.

Горячность в бою - хладнокровие после него. Вот твой путь. Снова слова Мордредра.

- Я не собираюсь судить о том, чего никогда не видел, и о людях, которых не знал. Это не мой путь. Я сужу о своих братьях - об их поступках и душах - без жалких хитросплетений Имперского Закона. Рассказывайте, что было дальше. Вы открыли огонь по флоту инквизитора?

Дубаку покачал головой:

- Нет, ни в коем случае. Командование ордена разослало сообщения по всему субсектору, предупреждая имперские аванпосты и планетарных губернаторов о произошедшей бойне и осуждая действия Инквизиции. Также сообщение отправили прямо на Терру вместе с делегацией из вестников смерти и военных вождей. Их выбрали, чтобы показать всю серьёзность ситуации.

- Они не достигли Терры. - Мне не стоило гадать о судьбе действующих из лучших побуждений воинов. - Они не ступали по Тронному Миру. Их никогда больше не видели.

- О, мы видели их, - спокойно возразил Джехану.

- Два года спустя мы нашли их корабль, - подтвердил Дубаку. - Уничтоженный посреди пустоты в глубине космоса зелёнокожих. Всё указывало на гибель во время перелёта в варпе. Никаких следов повреждений на корпусе от оружия.

Я видел несколько кораблей, которые погибли в варп-штормах: экипажи и пассажиров разорвало в генетический мусор, металл искривился и испортился до необратимого состояния.

- Что дальше?

- Мы продолжали требовать провести расследование Кхаттарской бойни. Мы отправляли сообщения всем представителям Империи, которые желали нас слушать: от планетарных регентов до королев-жрецов миров Экклезиархии. Если и было какое-то расследование, то мы о нём не узнали. Затем нас призвал Армагеддон - мы отозвались. И оказались... здесь.

Джехану обвёл руками вокруг, пока Экене завершал рассказ:

- Они хотят, чтобы мы замолчали.

- Нет, - возразил я. - Они хотят совсем другого.

Львы посмотрели на меня так, словно посчитали мои слова своеобразным чёрным юмором. Но я не шутил; Инквизиция вовсе не собиралась заставить их замолчать. Я был уверен, что и Юлхара понял это, когда обращался ко мне.

- Так чего же они хотят?

- Они используют вас, - ответил я собравшимся у костра из мусора воинам. - Они используют вас в качестве примера. Небесные Львы - последняя из жертв в кампании Инквизиции по ограничению независимости Адептус Астартес. Ордосы терпеть не могут атаки на свои суверенные права - а вы бросили им вызов. И теперь все увидят, чего это будет вам стоить. Саботажи, взаимоисключающие приказы, засады. Орден не просто пострадает за то, что осмелился противостоять Инквизиции и порочил её репутацию. Орден погибнет в позоре. Миллионы услышат о том, как вы падёте на Армагеддоне. Единицы будут знать правду о вашей гибели, и все они будут офицерами Адептус Астартес, которые станут действовать гораздо осторожнее, ведя дела с Инквизицией. Урок выучат, что и нужно Аполлиону и его друзьям.

Львы не произнося ни слова обдумывали услышанное. В конце концов, молчание прервал вожак прайда глядя прямо в линзы моего шлема:

- Мы вернёмся в Манхейм.

Я ждал, что он это скажет.

- Я знаю.

- Большинство гаргантов ушло, но ущелье по-прежнему остаётся хорошо укреплённой крепостью. Вражеское присутствие на территории Вулкана - это опухоль, которую надлежит вырезать.

В лучшем случае это выглядело слишком наивным:

- Она не падёт, Экене. Не от горстки Львов, как бы благородны и горды они не были.

Он спокойно развёл руками соглашаясь:

- Тогда мы умрём пытаясь.

Акаши подался вперёд вторя сержанту:

- Мы выбрали это место для смерти. Оно должно быть именно там. Наши кости должны лежать рядом с братьями.

Джехану кивнул:

- Помните о нас, реклюзиарх, - тихо и печально произнёс он. - Заберите правду с собой, когда покинете этот мир. Расскажите её остальным орденам с кровью Дорна.

Они просили слишком о многом. Если я послушаюсь, то могу с небывалой лёгкостью обратить гнев Инквизиции на Чёрных Храмовников. Но даже в этих обстоятельствах Львам следовало знать, что незачем просить. Конечно, я поступлю именно так. Это правда о доблести. Скрыть её - это всё равно, что покинуть Вечный крестовый поход и уйти на покой в невежественный мир.

- Истина отправится со мной, - поклялся я. - И вы глупцы, раз считали, что будет иначе.

Они снова заулыбались - любопытное племенное братство.

- Вы хотите сражаться в одиночку?

- Мы должны, - ответил Эkene. - В Вулкане нет резервных полков Имперской гвардии. Даже учитывая, что гарганты покинули Манхейм за минувшие после резни недели - а это может быть совсем не так - ущелье остаётся трудной целью с большим количеством врагов. Пять наших рот не смогли взять его. Несколько тысяч гвардейцев - это всё равно, что плевков против ветра.

Ашаки усмехнулся:

- И в любом случае мы не можем доверять им. Когти Инквизиции повсюду.

Дубаку прорычал, почти не отличаясь от зверя, именем которого называли его орден:

- Я просто хочу получить шанс убить вожака пожиравшего наших мёртвых. Я умру счастливым, если сумею забрать его с собой в могилу.

Я выдохнул переработанный внутренней кислородной системой доспеха спёртый воздух. На вкус он был как пот:

- Галактика человечества будет скорбеть о Небесных Львах.

- Пусть скорбят. - Эkene презрительно скривил губы. - Если это награда за нашу верную службу - то я рад их горю.

Что-то в моей реакции насторожило сержанта, и он продолжил осторожнее подбирая слова:

- Так всё должно закончиться, вестник смерти. Пусть всё закончится огнём, а не столетиями кропотливых лабораторных работ по сохранению ордена. Мы умрём как воины.

Да, так и будет. Сто воинов погибнут во славе... и обрекут на исчезновение тысячи воинов, которые могут пригодиться в мрачном будущем.

Истории и клятвы подходили к концу, а горькая правда состояла в том, что я услышал только пустые обещания. Ценна ли слава, даже если поражение останется единственным наследием. Я видел как пали Призрачные Волки, и их гибель вдохновила меня. Теперь Львы собираются пойти по тому же пути. Но моя кровь застыла в венах, а сердце билось спокойнее.

Капеллан – это будущее своего ордена. Он должен оберегать его ритуалы, традиции и предания, как и души боевых братьев. Наша ценность в том, что нас сделало такими, какие мы есть, не бессмысленное насилие, а целенаправленная свирепость. Свирепость в войнах, когда мы убиваем врагов. Свирепость в мире, когда мы спасаем души наших родичей. Наш путь – принимать решения, которые нельзя доверить другим. Свирепость – в той же степени наше оружие против невежества или слепой веры, как и против врагов человечества.

Таков был путь Дорна – сражаться несмотря ни на что. Смерть от превосходящих сил врага никогда не была позором для нас или других воинов с геносеменем Имперских Кулаков. Это были первые уроки, которые мы выучили десять тысяч лет назад – *опять эти слова* – когда Империиум был гораздо, гораздо сильнее. Последние века Тёмного Тысячелетия выжали человеческую империю почти досуха.

Поэтому я восхищался стремлением Эkene к славной смерти, даже если про этот последний бой почти никто и не вспомнит.

Но злости и славы уже мало. Недостаточно и уничтожения врагов. Я хочу сражаться в Вечном крестовом походе. Я хочу выиграть войну.

Кинерик прав. Смерть Львов станет плохой услугой Империиуму, независимо от того насколько доблестным будет их последний бой, независимо от героизма отдельных воинов и как они прольют свою кровь.

Но Дубаку ещё не договорил. Он откашлялся, почувствовав, что я задумался.

- Есть ещё кое-что, реклюзиарх. Вы отслужите по нам панихиду Бьющегося сердца?

Панихида Бьющегося сердца. Я не знал её слов, но догадывался о назначении. В нашем ордене её называли обрядом Одинокого рыцаря, в честь последнего сражения воина. Молитва о смерти. Я стиснул зубы и почувствовал мурашки на спине.

- Я сказал, что поведаю о вашей смерти. Эту просьбу я понимаю. Теперь вы хотите, чтобы я благословил ваше проклятье? Лично благословил ваше исчезновение?

Львы смотрели на меня, но не решались взглянуть в глаза.

- У нас не осталось вестников смерти, – ответил вожак прайда. Между нами начала расти пропасть, медленно, но неуклонно, как с Саламандрами несколько месяцев назад на развалинах Хельсрича.

Я был беспощаден, потому что желал, чтобы меня поняли предельно ясно:

- Вы хотите, чтобы я благословил воинов другого ордена, разделил с вами священные ритуалы Храмовников и поклялся перед Императором и Дорном, что ваша смерть достойна благородных заветов Имперских Кулаков. Вы хотите, чтобы я одобрил вашу гибель. Именно об этом вы просите?

- Да, реклюзиарх. – Несколько раз согласно кивнул Эkene. – Проклятье – умереть без благословения.

- Когда вы собираетесь дать последний бой?

- Какой смысл откладывать неизбежное? Завтра утром мы соберём все наши силы на передовой базе и в последний раз проведём разведку в поисках припасов и выживших. На рассвете следующего дня мы отправимся в битву.

В этот же день *“Вечный Крестоносец”* покинет орбиту Армагеддона, преследуя архивожака. У меня было время и это хорошо.

- Вы благословите наши последние часы и освятите наши последние деяния, реклюзиарх?

Я посмотрел на свалку литейного завода, где Кинерик и остальные Львы патрулировали с болтерами в руках. Затем встал посреди безнадежного почтительного молчания. Дубаку попытался возразить, попросить меня остаться, но я был непреклонен. Решение принято:

- Нет.

Шестая глава

Выбор

Мы не смогли вернуться в Хельсрич. Сезон огня свирепствовал вокруг моего города с достаточной яростью, чтобы исключить атмосферные полёты, но не настолько, чтобы оборвать вокс-связь. По прогнозам шторм продлится от трёх до девяти часов. Первый вариант был вполне терпимым, последний оставлял совсем мало времени для осуществления плана. И это если буря вообще утихнет.

На борту *“Вечного Крестоносца”* я шёл по холодным залам храма Дорна. Реликвии войны и славы, окружённые мерцающими аурами, лежали на мраморных постаментах, в которых были встроены генераторы силового поля. Со сводчатого готического потолка гордо свисали военные знамёна. В храме всегда было что-то от костей скелета, наверное, из-за арочной архитектуры. Я всегда считал, что он напоминает о загробной жизни, куда уходят павшие в битвах воины. Судьба направиться туда на смерть.

Кинерик шагал рядом, и ему хватило ума понять, что раз я молчу, то на это есть причина. Он не просил меня объясниться. Я не сказал бы, что мне это понравилось, но так его легче терпеть.

На самом деле я пришёл сюда не для того, чтобы наедине побыть среди почитаемых сокровищ ордена. Я пришёл сюда, чтобы начать воплощать в жизнь план. Сквозь огромный эркер я смотрел на сражавшийся и покрытый шрамами Армагеддон. Над городами поднимались столбы дыма. Ущелья превратились в грязные шрамы. Богатые нефтяными месторождениями океаны стали кладбищами для сбитых кораблей зелёнокожих.

Меньшие люди видели бы мир охваченный войной и скорбели бы о погибших. Я чувствовал только ненависть. Я ненавидел орков за осквернение наших земель. Я ненавидел планету за то, что она сопротивлялась попыткам спасти её.

Меньшие люди. Нехватка смирения так свойственная мыслям Мордредра. Скорее уж неизменённые люди. Истинные люди, неулучшенные генетическими проектами Императора, способны испытывать печаль.

Флот стоял на якоре, наслаждаясь передышкой в почти непрерывной космической войне, которая продолжала пылать в небесах. Почти неделя прошла с тех пор, как в систему прибыло последнее подкрепление ксеносов – это оказалось самым длительным прекращением огня. Шаттлы, десантно-

штурмовые корабли и транспорты снабжения летали между нашими боевыми баржами и ударными крейсерами. Проводилась последняя дозаправка и перевооружение, прежде чем мы покинем орбиту в погоне за вожаком орков.

Было такое ощущение, словно я уже год жду, пока портативный гололитический передатчик подаст импульсный сигнал. Кинерик стоял в стороне, почтительно рассматривая выставленные на всеобщее обозрение оружие и доспехи, которые ждали достойного воина из нашего поколения или из тех, кто придёт после нас.

- Вокс-соединение установлено, - доложил сервитор на мостике. Использование систем связи *“Вечного Крестоносца”* оказалось единственным способом увеличить мощность сигнала. На моей ладони появилась гололитическая призрачно-синяя проекция.

- Полковник Райкен, - приветствовал я мерцающее изображение.

- Это не он, - ответила голограмма хриплым от помех голосом, обретая чёткость. Говоривший оказался не полковником Райкеном, хотя из его ответа это и так было ясно. - Соединение не слишком хорошее, а? Я не получаю картинку. И прошу прощения, но полковник Райкен занят другими солдатскими делами. Его здесь нет. Он ушёл.

Я вздохнул, мысленно советуя себе набраться терпения:

- Мне нужно немедленно поговорить с ним.

- И мне, уверяю вас. Полковник должен мне деньги. Серьёзное дело, а? Если он погибнет раньше, чем вернёт долг, то мой характер станет страшным. Я - капитан Андрей Валаток из Легиона. Чем могу помочь?

- Пусть ваши жрецы перенаправят сигнал...

- Что-то не так с этой вокс-частотой? Я думаю, что горы грохочут тише, чем вы. Вы говорите, как космический десантник.

- Я и есть космический десантник.

- Ага! А я, если и не хороший друг, то как минимум хороший приятель реклюзиарха Гримальда из Чёрных Храмовников. Вы знакомы с героем Хельсрича? Однажды я спас ему жизнь. Он даже поблагодарил меня.

- Андрей, - медленно ответил я, вкладывая угрозу в каждую букву, - я - реклюзиарх Гримальд.

- Привет, реклюзиарх! Вы звучите сердитым.

- *Слушай меня.* Мне нужно поговорить с полковником Райкеном, адъютантом Тиро или генералом Куровым.

- Они ушли в передовой командный пункт, да? Но я здесь. Я наблюдаю за подразделениями штурмовиков в северных и западных зонах.

Подосевший Кинерик показал на полушинель и плащ гололитического изображения:

- По нему не скажешь, что он штурмовик.

Я решил оставить замечание без ответа, но Андрей решил по-другому:

- Формально - нет. Мы - гренадёры. Да. Но это сленг. Ну и для справки. Бумажная работа - сука. Вы знаете каково это, а? Единственный лёгкий день был вчера. Но я чувствую проблему. Именно поэтому вы и связались со мной, нет?

- Слушай внимательно, Андрей. Это важно.

Последовавший разговор занял больше времени, чем требовалось. Я понял, что Андрею скучно. Солдаты плохо справляются со скукой, особенно если они находятся в командном бункере, где нечего делать и в некого стрелять.

Когда он отключил связь, у него оказалось предостаточно приказов, которые необходимо выполнить, и мне пришлось несколько часов координировать оборону Хельсрича с высокой орбиты. За это время множество офицеров отправили сообщения по воксу в небеса, подтверждая, что придут. Я переговорил с восьмьюдесятью одним командиром Имперской гвардии и девятью капитанами Имперского флота. Информационный планшет принимал и отправлял изображения постоянным потоком зашифрованных данных. Мои действия были своего рода Рубиконом. Никто не уклонился от ответов. Никто в Хельсриче не отказался предоставить нужную информацию. Никто не отказался помочь.

- Разве вы не превышаете свои полномочия? - спросил меня Кинерик.

Я всё ещё не привык, что в моих решениях сомневаются, и пришлось подавить растущую раздражительность.

- Поясни, - сказал я вместо того, чтобы прорычать. Это далось нелегко.

Кинерик снял шлем и выглядел болезненно-бледным в синем свете люминесцентных сфер на стенах. Выражение его лица не было сомневающимся, а скорее слегка заинтересованным.

- Можно? - кивнул он в сторону переносного ауспика. Я протянул планшет, и он стал прокручивать орбитальные пикты Хельсрича. Повреждённый центральный шпиль было видно достаточно хорошо, но остальной улей находился во власти непрерывно кружащегося пепельного мрака.

- Говори, - приказал я.

Он продолжал просматривать изображения:

- Как я понял, вы перестали командовать войсками города, когда покинули улей после битвы у храма Вознесения Императора. Действующим командующим Хельсричского региона стал генерал Куров.

Он слышал генерала Курова два часа назад - один из многих голосов, которые согласились с моей просьбой.

- Если возражаешь против моих действий - так и скажи и не опасайся последствий.

- Это не возражение, сир.

Я почувствовал, как кровь стынет в жилах от его покорности:

- Если хочешь приобщиться к тайнам реклюзиама, то я требую, чтобы ты сказал, о чём думаешь.

- Львы отправятся на смерть завтра утром и в это же время из двигателей *"Вечногo Крестоносца"*

вырвется пламя. Мы покинем Армагеддон и начнём охоту за вожаком ксеносов, и всё что произойдёт в ущелье Манхейма - произойдёт без нас. Но вы хотите спасти Львов, так? Заставить их сохраниться как орден.

Я посмотрел на Кинерика, и потоки биометрических показателей побежали рядом с его аскетичным лицом.

- Да. И ты же сам дал понять, что тоже считаешь, что они должны выжить и сохранить орден. Если ты продолжаешь в это верить, то почему полагаешь мои намерения ошибочными?

- Их выживание - лучший вариант, - согласился он. - Это самый правильный путь. Но вы спасаете их - обманывая их. Это дело чести.

Честь - это жизнь. Такие древние слова.

- Ничего подобного. Завершая разговор я отказал вожаку прайда Экене, который просил провести ритуал и пожелать ему достойной смерти рядом с погибшими братьями. В моих действиях нет никого обмана.

Кинерик не унимался:

- Но если вы ослабите защиту Хельсрича, забрав войска в Манхейм...

- Город сейчас чрезмерно защищён - целые батальоны сидят без дела и ожидают передислокации. - И это раздражало; была бы у нас такая проблема во время осады.

- Разве вы не играете на чувствах людей к вам? Герой Хельсрича зовёт на войну. Конечно, они отзовутся. Но разве это их война?

- Они - солдаты на планете, где идут боевые действия, - прорычал я, и заставил себя сохранять спокойствие. Он заслуживал похвалу за то, что обдумал так много аспектов предстоящего дела и оказался достаточно смел, чтобы задать вопросы, не смотря на риск прогневать меня. Наставничество - тяжёлая работа и я подумал, как часто Мордред спорил со мной все эти годы.

- Это их мир, Кинерик. И они - единственный шанс Львов. - Я положил руку ему на наплечник, как Мордред поступал со мной в моменты тихих объяснений. Он посмотрел мне в глаза, как я часто смотрел в глаза наставника в течение стольких лет. - Невидимые враги Львов могут позволить им умереть со славой, которую они заслуживают. Но ты правильно возразил Экене. Они должны выжить. Их смерти будут напрасны и всего лишь ослабят боль уязвлённой гордыни. Они не должны умереть на Армагеддоне. В одиночку они обречены. Но если я смогу захватить Манхейм...

Кинерик немедленно ухватился за сказанное:

- Если вы сможете захватить Манхейм?

Я кивнул и протянул запечатанный свиток в ящичке из чёрного металла:

- Отнеси его верховному маршалу. Я всегда терпеть не мог прощаться.

Кинерик напрягся, крепко сжав зубы:

- Если вы будете сражаться вместе со Львами, то я буду сражаться рядом с вами.

- Это твоё решение. - Я восхитился его поступком, хотя такое развитие событий меня ничуть не удивило. Хелбрехт сделал правильный выбор. - Но отнеси свиток прямо сейчас.

Он сложил руки символом крестоносца и ушёл выполнять поручение.

Я остался один и вернулся к своим планам. Всё зависело от того, насколько быстро собранные войска смогут вырваться из бури в Хельсриче и развернуться на противоположной стороне планеты.

Седьмая глава

Чернила

Хелбрехт,

я остаюсь на охваченном войной мире. Кто-то должен сражаться рядом со Львами и спасти их от бесполезной славы и надругательства над их во всех отношениях благородной кровью. Я вернусь, как только смогу. Мы оба понимаем, что из-за капризов варпа на это уйдёт несколько лет. Также мы оба понимаем, что, в конечном счёте, моё первое пророчество может оказаться истинным - и я умру на этой планете.

Простите, что узнаете о моём решении из чернил на пергаменте, но у меня мало времени и ещё меньше желания выслушивать, что Мордред позволил бы Львам умереть так, как они сами желают. Я не буду спорить с вами о том какая из войн важнее. Я не вижу смысла их сравнивать. Король ксеносов должен заплатить за преступления на Армагеддоне и слава Храмовникам, которых избрали для погони. Но речь идёт о воинах одной с нами крови. Оставить их одних - значит предать Рогала Дорна и Имперium, за создание которого он сражался.

Обе битвы важны - поэтому мы будем сражаться в обеих.

Несколько месяцев назад я проклинал вас за то, что вы оставили меня на планете, пока сами завоёвывали славу в небесах. Как же всё изменилось.

Доброй охоты среди звёзд. Я буду охотиться на проклятой земле этого мира.

Если вы не сможете смириться с моим решением, то вспомните, что у Львов погибли все капелланы и они наши кузены. Честь и братство зывают ко мне.

Честь значит больше, чем слава. Если Хельсрич и научил меня чему-то - то именно этому. Честь - это верность. Честь - это контроль над нашими основными инстинктами. Мы подчиняем гнев - наше самое сильное оружие - и не растрачиваем его попусту ради саги у походного костра или упоминания в победных свитках.

Честь не кланяется капризам и интригам перепуганных ничтожеств. Инквизиция уже получила то, что ей причитается. Я не позволю запятнать гордую кровь Дорна, ради утоления бесконечного голода изголодавшихся глупцов.

Львы не могут воспользоваться ресурсами своего города, но они не будут сражаться в одиночку. Пусть Вулкан прячется за стенами.

Восьмая глава

Сбор

Планирование с командирами Хельсрича заняло всю ночь. Я думал о том, покинут ли Львы павшую крепость к моменту нашего появления, чтобы направиться в последнюю битву.

До рассвета оставалось меньше часа, когда мы пронзили облака. Львы не опередили нас. Наоборот – половина войск Хельсрича уже была на месте.

Кинерик не стал брать “Громовой ястреб” и мы летели на борту шаттла Имперского флота, спускаясь с небес, расчерченных инверсионными следами “Молний”. Мы направлялись к посадочным площадкам разрушенной крепости Львов и приземлившись на них приземлистым десантно-штурмовым кораблям.

Одно из зданий – зубчатый центральный анклав – явно оказалось в эпицентре бурной деятельности. Почти все остальные были заброшенными. Бункеры с противовоздушными орудиями бездействовали в тишине. Крепостные стены превратились в обломки, пав под яростью ксеносов, когда орки впервые сломили оборону Львов несколько часов спустя после бойни в Манхейме. Но последний оплот всё ещё стоял крепко. На посадочных платформах на крыше разместились четыре поднявших пыль потёртых “Громовых ястреба”. Здесь несколько часов назад приземлились Львы. К ним присоединились десятки грубых громоздких пехотных транспортов, которые также сдули пыль за обвалившиеся внешние стены анклава.

Кинерик смотрел сквозь эркер шаттла, как на месте учинённой бойни имперская армия готовилась к войне.

– Я вижу “Гибельный клинок”, – произнёс он, указывая на большой транспорт – похожий на сильно бронированного жука – который опускал в грузовых тисках гигантский танк.

– Это – “Серый Воин”, – ответил я, ощутив в голосе благодарность. – Генерал Куров идёт в бой. – По гордому покрытому вмятинами и ободранному бурей корпусу танка было видно, что он не тратил зря время в те недели, когда война начала стихать.

Мы собирались приземлиться на центральном здании, но старавшийся изо всех сил пилот никак не мог найти свободное место на земле, не говоря уже о нескольких метрах на посадочной площадке.

– Прекрати снижаться, – обратился я к нему по воксу. – Возвращайся на орбиту. Приготовься компенсировать открытие дверей через десять секунд.

Отрезанные от братьев в космосе, мы были готовы к любому развитию событий. По внутренней обстановке шаттла было видно, что он предназначался для перевозки десяти человек в ограничительных креслах, а не двух космических десантников в полной боевой броне. При каждом движении прыжковые ранцы с лязгом задевали стены, и нам пришлось оставить ящики с боеприпасами, которые лежали на полу, но это неважно.

Кинерик ударил кулаком по нажимной пластине и впустил ревущий ветер. Мы шагнули ему на встречу, падая в небеса.

Насколько мне известно, мне не снятся сны. А если и снятся, то возможно я просто не могу вспомнить, что происходит в моём подсознании. Хотя, в конечном счёте, это одно и то же. Во многих медицинских

записях упоминается, как падение в кошмарах резко обрывается перед ударом. Я всегда считал это любопытным. Люди такие хрупкие и всегда боятся потерять контроль. Своими кошмарами с падениями они даже гравитацию превращают в психологического врага.

Страх. Он воняет прогорклой мочой. Я не могу представить эмоцию отвратительней.

Адептус Астартес часто используют высотное десантирование, в том числе и без десантных капсул. Мы наклонились вперёд и спикировали под золотыми росчерками трассирующего огня, у которого не было никаких шансов попасть по нам. Один раз Кинерику пришлось включить двигатели на спине и заложить вираж в сторону от взлетавшей громадины Имперской гвардии.

Показывающие высоту руны звенели и мигали, предупреждая о приближении земли. Мгновение спустя мой ранец взвыл, пробуждаясь к жизни, и замедлил падение перед ударом. Мы приземлились с двойным глухим грохотом – на посадочной платформе появились вмятины, а под ботинками побежали паутинки трещин.

Небо вспыхивало – это шумно вращались зенитные турели, которые в автоматическом режиме и безо всякого вреда отслеживали прибывающие десантно-штурмовые корабли и транспорты.

Едва мои ноги коснулись поверхности, как на ретинальном дисплее замигала руна связи.

- Реклюзиарх? Милорд... я требую объяснений.

- Какой же ты не благодарный, Экене. - Я впервые рассмеялся с тех пор как обрушился собор. - Мы подумали, что тебе пригодится подкрепление.

Тогда меня впервые обнял человек. Не прошло и часа, как мы с Кинериком уже шагали за пределами крепостных стен, осматривая собиравшиеся батальоны. Над головами кружили "Стервятники". Воздух был насыщен дымом от работавших вхолостую двигателей танков. Все подразделения Стального легиона загружали боеприпасы и солдат в "Химеры" и шестиколёсные вездеходы "Шеду".

Как не удивительно, но обнял меня не капитан Андрей, а генерал Куров – далёкий от показного величия седеющий офицер с хорошими манерами, который встретил меня с саблей у бедра и слезами на глазах.

- Реклюзиарх, - сказал он вместо приветствия. Объятие оказалось быстрым, и от удивления я не успел отреагировать. Его голова едва достигала креста на моей груди, затем он шагнул назад и посмотрел на меня:

- Герой Хельсрича позвал - и его город отозвался.

Я всё ещё чувствовал мурашки на коже от его прикосновения. Эмоциональность генерала объяснялась тем, что он родился, вырос и обучался в Хельсриче; вновь вспыхнувшая война причиняла ему боль, и он относился ко мне с образцовым уважением. Удивительно насколько эта встреча отличалась от первой. Даже сложно сравнить сегодняшнюю теплоту с былой холодностью.

- Хорошо, что ты здесь, генерал, - ответил я, посчитав, что он не обидится на подчёркнутую нейтральность.

Кинерик почувствовал моё смущение и шагнул вперёд.

- Меня зовут Кинерик, - поздоровался он с Куровым, смотря на командующего сверху вниз. Я услышал мрачный смешок брата, когда он увидел, что генерал сложил руки символом крестоносца, а не имперской аквилы.

- Как же вы действуете на них, сир, - сказал он мне по воксу.

Военный совет проходил прямолинейно и в отвратительной обстановке - пришлось согласовывать планы перед батальоном прогревающих двигатели танков. Нас окружили офицеры, некоторые наудачу касались моей брони. Я проигнорировал это также как проигнорировал объятие. Пускай придерживаются своих странных суеверий, раз они поднимают боевой дух.

- Ты привёз то, что я оставил в Хельсриче? - спросил я Курова во время перерыва в обсуждении.

Он утвердительно кивнул чему-то улыбаясь.

План был прост. Мы направляемся в ущелье Манхейма, и уничтожаем всё что дышит и двигается.

- Мне нравится ваш план. - Сказал Андрей. Капитан сидел на бульдозерном отвале латунно-серой "Химеры" и стучал ногами по расчерченному чёрно-жёлтыми полосами металлу. Его поддержали кивками и шёпотом собравшиеся командиры гвардейцев. Они были в полушинелях и касках, пока не надевая противогазы.

Экене молчал рядом со мной в центре импровизированного конклава. Аура гнева Льва была почти материальна и направлена на меня. Он заговорил в самом конце, словно рядом и не стояли сто офицеров, которые только что решили отдать жизни, помогая его последней атаке.

- Вы превысили свои полномочия, - обратился он ко мне. Благодаря вокс-микрофону шлема его голос был похож на рык, хотя, на мой взгляд, вожак прайда и так рычал.

- Я делаю то, что велит мне долг. Ни больше, ни меньше.

Он показал цепным мечом на горизонт - там возвышались горы и гнили тела его братьев.

- Это - *наш* бой.

За подобный тон я мог его ударить и свалить на землю. Эта мысль пришла мне в голову и, конечно же, я имел право так поступить. Я сдержался, как из-за того что не хотел, чтобы гвардейцы увидели ссору космических десантников, так и из-за понимания ярости Экене и сочувствия к ней. Гневу просто нужна другая цель. Сейчас мне следует сохранять хладнокровие, а не впадать в горячность. Вожака прайда необходимо наставить на правильный путь, а не бить и позорить.

- Это по-прежнему ваш бой, - ответил я. Сомневаюсь, что Дубаку не заметил, как многие офицеры крепко сжали ладганы или положили руки на кобуры пистолетов, когда он столь агрессивно обратился ко мне. - Разница в том, кузен, что теперь ты можешь победить.

Он повернулся, едва заметно посмотрев на крозиус на моём плече. Я понял, чем он недоволен на самом деле. Не тем, что я привёл тысячи легионеров ему на помощь. Люди здесь не причём.

Дело во мне. Я был причиной его беспокойства.

- Если мы встретимся с вожаком... - начал Экене, но я остановил его мягким жестом.

- Мсть остаётся тебе, Лев. Моя задача - довести тебя до твоей жертвы. Честь требует, чтобы ты убил

его лично.

- Это всё о чём я прошу, реклюзиарх. Он должен умереть от клинка Льва.

- Тогда посмотрим, как он сдохнет.

Я повернулся к офицерам, вдохнул прометиво-угольную вонь многочисленных двигателей и посмотрел на охряно-серое море полушинелей и боевой техники.

- Речь! - крикнул Андрей. В ответ на его просьбу раздался смех. Я подождал, пока он стихнет.

- Не в этот раз. Сегодня мы идём на войну ради чести и мести, а не ради выживания. Эти добродетели не нуждаются во вдохновенных речах - потому что они по самой своей сути праведны. Но вот, что я скажу.

Я поднял булаву и медленно обвёл по дуге передние ряды, указывая на каждого солдата, каждый танк и каждый ящик с боеприпасами.

- Все вы слышали, что почти пятьсот космических десантников погибли в каньоне, который я прошу вас захватить. Число ошеломляет и в него невозможно поверить. Почему же я призываю вас отдать кровь и пот в сражении, которое уже стоило жизни столь многим моим кузенам?

- Ответ, воины Хельсрича, вовсе не в том, что я ценю ваши жизни меньше, чем жизни Адептус Астартес. И не в том, что я растрчиваю вашу кровь, словно мелкие монеты в бесполезной азартной игре. Причина в том, что вы показали мне стойкость человеческого духа, когда Храмовники истекали кровью в вашем городе и я не доверю никаким другим женщинам и мужчинам стоять рядом с нами сегодня. Мы помогли вам в трудный час, а вы помогаете нам. Я благодарен вам за это. Мы оба благодарны вам: и Лев и Рыцарь.

- Выживете ли вы, чтобы сражаться в другой день? Я отвечу словами человека гораздо более мудрого, чем я. Мой генетический отец, повелитель Рогал Дорн, примарх и сын Императора сказал: *Дайте мне сто космических десантников. А если это невозможно - дайте мне тысячу других солдат.*

Я замолчал и ещё раз взглянул на собравшихся людей. Они были лишь малой частью гарнизона Хельсрича, но учитывая сложности орбитальной передислокации и трансконтинентального перелёта - воистину благословение увидеть так много плоти и металла под знамёнами с аквиллой.

- Посмотрите сколько вас. По военной поэзии кровного сына Императора вас в три раза больше чем павших в Манхейме Львов. Будьте храбрыми, невзирая на любые ужасы, которые ждут нас в каньоне. Вы здесь - потому что я собираюсь победить. Вы здесь - потому что вы *должны* быть здесь. Вы заслужили больше чем кто-либо другой сражаться, когда я в первый раз понесу реликвии в бой.

Куров подал сигнал стоявшей неподалёку "Валькирии". Под визг несмазанной гидравлики опустилась задняя рампа и вышли три сервитора, сжимая кибернетическими руками реликвии Храма Вознесения Императора. Первый нёс на плечах большую статую аквилы, подобно осуждённому, который несёт крест. Второй высоко держал изорванный патент основателей города, словно герольд военное знамя. У последнего была бронзовая сфера со священной водой из упавшего собора. Они бездумно шли покорные моей воле. Как хорошо, что я оставил их в Хельсриче, а не забрал на "*Вечный Крестоносец*".

Люди кричали громко и долго, вскинув лазганы и штыки в облачное небо. Я почти - почти - вернулся на городские стены, когда зелёная волна устремилась на стены. *Наш город. Наш мир. Наш город. Наш мир.*

Гримальд. Гримальд. Гримальд.

Голос Кинерика прорвался сквозь возгласы нескольких тысяч мужчин и женщин, которые скандировали моё имя.

- Вы же сказали, что не будете произносить речь.

- Тебе ещё многому надо научиться, прежде чем стать капелланом, если ты считаешь это речью.

Девятая глава

Манхейм

Изучая архивы *“Вечногo Крестоносца”* вы не испытаете недостатка в подробной информации о Второй осаде Манхейма. Справедливости ради стоит заметить, что именно поэтому в своих записях я посветил больше всего места проявлениям героизма и человечности, которые и предопределили исход завершающей битвы кампании. Меня попросили уделить им особое внимание в подходящем к концу повествовании.

Что же тогда не попало в наши архивы? Во всех отчётах упоминается огромное количество войск и точная численность полков, которые мы направили в смертельное ущелье. Ещё в каждом отчёте говорится и о несметных силах, с которыми мы столкнулись во время осады. Все мы надеялись, что в Манхейме почти не осталось вражеских богов-машин, но надежда рухнула, едва первый солдат Стального легиона ступил на рыхлую почву, приближаясь к каньону. Все наши молитвы о том, чтобы бесчисленная орда орков ушла куда-нибудь сражаться, также оказались впустую.

Враг был там, как и его гротескные титаны. Стены ущелья подпирали многочисленные гигантские ниши, оснащённые различным оборудованием. Несколько из них пустовали. Но в остальных ремонтировали или перезапускали гаргантов после минувших битв. Каньон кишел ксеносами, которые занимались своими делами, свалив тысячи гниющих трупов морем разлагающейся органики. Какая мерзость побудила тварей оставить своих убитых непогребёнными? Неужели их тлетворное влияние бесконечно?

Золотые доспехи, потемневшие и грязные, лежали посреди груд разграбленных трупов. Мёртвых Львов унизительно свалили в кучи вместе с их убийцами-ксеносами. Керамитовые пластины – бесполезные для мусорной ереси, которая составляет основу технологий зелёнокожих – стали гробами разлагавшихся воинов в курганах плоти.

Мы приблизились к морю осквернённых трупов. Огромные груды тел не оставили легионерам иного выбора, кроме как забраться на танки. Возглавлял колонну *“Серый Воин”* – он первым добрался до баррикады мертвецов, и его траки забуксовали на колоссальной куче тел, перемалывая спрессованную гигантским весом плоть. Меньшая техника решительно двинулась вперёд: некоторые пробивали бреши в стене трупов из башенных орудий, но большинство устремилось за *“Гибельным клинком”* и другими сверхтяжёлыми танками.

Над нами скользила флотилия *“Валькирий”*, *“Стервятников”* и *“Вендетт”*. С флангов их прикрывали три уцелевших *“Громовых ястреба”*. Как только они влетели в каньон, орочьи орудия открыли огонь, и десантно-штурмовые корабли начали падать в ущелье кувыржавшимися огненными шарами.

Официальное время начала битвы отсчитывают с первого гневного выстрела – ровно в пять часов тридцать одну минуту и двенадцать секунд после рассвета. Этим выстрелом был залп главного орудия

“Серого Воина” генерала Курова. Из “Громового ястреба” я видел попадание в бронированное раздувшееся брюхо гарганта и выкошенных пылающими обломками техников ксеносов.

Также известна и официальная продолжительность боя – немногим меньше трёх часов. Как один из нескольких переживших Вторую осаду Манхейма космических десантников я могу подтвердить сказанное: авточувства шлема зафиксировали такую же цифру.

Легионеры не дрогнули, увидев огромную орду. Они врезались в разрозненные ряды зелёнокожих и начали истреблять тварей, освобождая место на их же трупах для приземлявшихся десантно-штурмовых кораблей.

Первые часы развернувшейся битвы примечательны только их свирепостью. Не было ничего особенного или достойного упоминания в том, как две армии перемалывали друг друга на собственных мертвецах. Военные машины ксеносов уничтожали массивным орудийным огнём. В ответ орки вырезали солдат в рукопашной схватке, когда имперцы штыками держали строй. С Имперской гвардией часто так бывает – их сталь сильнее, чем у врага, но плоть слабее.

Зелёнокожие сражались из-за безумной религии и свирепой радости резни. Легионеры сражались ради своего мира и потому что верили – эта битва стоит того. Когда орочья и человеческая кровь смешиваются, получается что-то чёрное и вязкое, как очищенная жидкая нефть. К исходу третьего часа мы бились в реке перемешанной крови, которой некуда было течь. Скалистая почва не могла впитать её, а ущелье служило природным бассейном. Сама земля создала чашу для крови, и мы пролили её.

Я видел промокшего до колен Андрея – он и двое его солдат пронзили ксеносу глотку. Они выдернули штыки из туши твари, и труп поплыл прочь по вонючей жиже. Противогазы не спасали от запаха кровавого озера. Солдаты использовали малейшую возможность, чтобы отойти и отдышаться. Или их рвало прямо на месте, и они продолжали сражаться.

В таком плотном бою, когда армии перемалывают друг друга, победа и поражение становятся относительными понятиями. Продвигаясь вглубь ущелья, мы были подобны игле, которая вонзается в фурункул и выдавливает гной. Но какой ценой? Сотни мужчин и женщин лежали лицом в грязь. Каждую секунду раздавался очередной хлопок – вспыхивал двигатель танка, и взрыв разносил на куски корпус.

Андрей вместе со своим отделением добрался до меня и воспользовался как прикрытием, чтобы перезарядить оружие. Я убил преследовавших их зелёнокожих, сокрушив грибные кости широкими ударами.

Сервиторы-иноки сражались рядом со мной, слишком тупые, чтобы понять, что битва не для их мускулов. Артефакты Хельсрича стали столь же грязными, как и его солдаты, но снова и снова благодаря им Стальной легион спланировался вокруг меня... хотел я того или нет. Скорее всего, орки не понимали всю важность кибернетических рабов, атакуя только вооружённых людей.

В это же время к нам пробился Эkene. Его защитный стиль был похож на первобытное искусство. Он кружился и рубил цепным мечом и боевым ножом – скорее танцевал, чем сражался в поединке. Доспехи Дубаку почернели и испачкались. Одышка терзала голос Льва, раздавшийся сквозь решётку шлема:

– Вы всё ещё считаете себя удачливым, вестник смерти?

– Мы всё ещё живы, Эkene. – Топор зелёнокожего разрубил цепь, которая связывала крозиус с бронёй, но я крепко сжимал булаву в руках. – Вот мой ответ.

- И вы не жалеете, что не улетели вместе с братьями?

Я казнил упавшего ксеноса, обрушив крозиус на грудную клетку.

- Я вместе с братьями, - ответил я Льву. Мой голос был таким же грубым, как и его.

Андрей стоял на колене в жидкой грязи и стрелял по оркам, которые преодолевали очередную баррикаду.

- Реклюзиарх самый удачливый человек из всех моих знакомых, - удивительно спокойно произнёс он, даже не перестав смотреть на зелёнокожих, и убивая тварей лазерными лучами из улучшенного лазгана. - Однажды на него упал собор, а он всё ещё жив и попросил меня отправиться с ним в ущелье полное чудовищ.

Никто из нас больше ничего не сказал. Нас снова разделила атакующая волна ксеносов. Я заметил, как капитан бежал к проезжавшей мимо "Химере" и взбирался на её борт. Затем он пропал из виду.

Война - это скорее психология и эмоции, чем огонь и кровь. Орды и полки сталкиваются; атаки и отступления сменяют друг друга. Каждая битва между смертными существами длится до поворотного момента, когда равновесие грозит окончательно нарушиться. В этот момент воины одной из сторон видят, что их замыслы терпят крах по всему полю боя. Или точнее они считают, что увидели уже достаточно и убеждают себя, что их разбили или наоборот они добились решающего преимущества.

Поворотный момент может произойти в любую секунду и с кем угодно в пекле битвы. Но равновесие нарушается только, когда кто-то своим примером вдохновляет и влияет на окружающих.

Это может быть передовая шеренга солдат, которые побежали от неприятеля не найдя в себе смелости сразиться с ним или опрометчивая атака на сломавших строй врагов, когда отбрасывают все команды и доводы разума. Это могут быть последние солдаты, которые решили, что погибнут напрасно, если разделят судьбу своих уже павших товарищей или слишком быстрое и глубокое наступление, когда уже не слышны сигналы о тактическом отступлении. Это легко может оказаться всеобщее повальное бегство из-за того, что командующий в тылу на несколько секунд позже приказал сменить позицию или контратаковать. Или это может быть один воин, чемпион, павший от вражеских клинков на глазах своих братьев и сестёр; и тем самым создав ключевой момент, изменивший ход сражения. А в другой жизни на другом мире победа чемпиона в поединке превращает отступление в убийственную контратаку, когда своими деяниями или речами он спланирует павших духом собратьев.

Я видел самые разные победы и поражения, всегда бравшие начало в простой истине: война - это психология. Вот в чём главная сила космических десантников, которые служат человечеству. То, что они "не ведают страха" всего лишь тень истины. Они посвящают свои безгрешные жизни тренировкам, тренировкам и ещё раз тренировкам, отринув всё остальное в поиске праведной цели в войне.

Солдат на передовой не видит ничего - *ничего* - из того, что происходит на поле битвы. Для него реально только происходящее рядом с ним: постоянно мелькающие клинки во время атаки, крики врагов и истекающие кровью друзья. Он судит обо всём ходе сражения только по этим моментам и живёт или погибает, участвуя в них. Вот почему на войне всё решают планирование, связь и доверие.

Благодаря планированию вы знаете, где сейчас бьются ваши братья-воины. Благодаря связи вы знаете, что у них происходит вдали от вас. Доверяя им, вы полагаетесь на них, чтобы выжить и победить, как и они полагаются на вас. Это самое важное - вы видите сквозь пыль, хаос, шторм клинков и болтерных зарядов. Вы знаете, где ваши лидеры желают видеть вас.

Вот в чём в первую очередь космические десантники превосходят других смертных воинов. Они живут в полном доверии со своими боевыми братьями. Их средства связи надёжнее и мощнее, чем у любых человеческих солдат, в том числе и индивидуальные. В бою они отбрасывают все эмоции, и обучены сражаться даже не задумываясь об отступлении, пока в конце они не опускают оружие над трупами истреблённых врагов.

Это равномерное развитие, когда отказываются от недостатков и улучшают преимущества. Возьмите ребёнка, позвольте ему расти, не познав хрупких человеческих слабостей, и воспитайте только на добродетелях послушания, верности и воинской доблести. Облачите его в керамику. Выдайте огнестрельное оружие. Скажите, что он не отвечает ни перед кем кроме таких же сильных и несдержанных братьев.

Это – космический десантник. Не человек обученный стать оружием, а оружие с человеческой душой.

Вот почему когда смертные смотрят на Адептус Астартес, они отличают нас только по символике на доспехах. Мы пустые люди в сравнении с их короткими пламенными жизнями, наполненными сильными страстями и уязвимыми для неистовых эмоций.

Признание этих фундаментальных истин о нас не означает пренебрежения к гвардейцам. Они ничуть не принижают мужчин и женщин Империи и вовсе не возносят на недостижимые высоты воинов тысячи орденов. Мы – избранные. Мы – лучшие воины Императора. Это не просто слова – на это есть причины.

В столь многих битвах Хельсричского крестового похода поворотные моменты опускались на мои плечи. Мои рыцари смотрели на меня, ожидая приказа атаковать или отступить; они бросятся в бой, если я прокричу или отойдут, если я промолчу. Человеческие офицеры отказывались слишком далеко наступать, если я не обещал им поддержку Храмовников. И, разумеется, самые упорные бои разворачивались там, где находился я. Вне зависимости от моего желания. Я охотился на вражеских чемпионов. Я стоял, останавливая атаки. Но мои геральдические изображения привлекали командиров ксеносов ко мне столь же часто, как и я сам прорубался к ним. Во время поединков они ревели свои нечеловеческие имена в лицевую пластину моего шлема, рассчитывая, что их сородичи – и видимо я тоже – запомнят, какой чемпион орков рискнул жизнью, пытаясь убить реклюзиарха.

В Манхейме всё развивалось точно также, хотя я сделал всё возможное, чтобы избежать этого. И вот настал очередной поворотный момент. Огромнейший зверь, который без сомнения обратил на меня внимание из-за геральдики, мчался в мою сторону в кузове подпрыгивавшего разбитого скрап-грузовика.

Сколько татуированных ревущих вожаков мы убили в тот день? Эйдетическая память позволяет отлично помнить только тех, с кем сражаешься сам. Я не могу ничего сказать про гвардейцев Стального легиона или Львов: сколь многих они повергли за три часа – возможно, самые долгие три часа моей жизни.

Позади нас осталось кладбище танков – вражеские орудия уничтожили почти всю нашу технику. Вдоль стен каньона возвышались пылающие, пробитые ракетами и снарядами металлические остовы гаргантов – превращённые в расплавленный шлак огнём Имперской гвардии. Очереди из стабберов выбивали барабанную дробь на керамике, от которой всего лишь сводило зубы, зато легионеров выкашивали десятками. И всё же мы наступали, разбрызгивая поднимавшееся кровавое море. Оно было по колено большинству людей, и им приходилось с трудом пробираться по грязи. А я хотел, чтобы оно стало ещё больше. Я хотел, чтобы оно поднялось ещё выше, заполнило всё ущелье и затопило все входы в пещеры. Пусть захлебнутся все инопланетные твари, которые всё ещё оставались там. Я хотел, чтобы лёгкие

каждого живого орка заполнила нечестивая смесь из крови праведников и грешников. Она даже пахла злом – чем-то алхимическим и богохульным.

Прежде чем вожак атаковал, ко мне успел прорваться Кинерик. Его цепной меч остался без зубьев. Запёкшаяся кровь ксеносов покрывала оружие и руку, которая его сжимала. Вторая рука была оторвана по локоть, в ране виднелось месиво из опалённого мяса и искрящихся кабелей доспехов.

– Я не знаю, когда это произошло, – абсолютно равнодушно произнёс он.

– Брат, – я хотел поблагодарить его за то, что он со мной в этот мрачный день, хотя казалось, что бой никогда не закончится, и вполне возможно мы сражаемся за гордость, которую уже не спасти. – Брат.

Зелёнокожий вожак атаковал меня сбоку. Я услышал предупреждающий крик Кинерика едва ли за удар сердца до того как тварь врезалась в меня. Мы оба упали и покатались в маслянистой крови. У орка были тупые клыки, жилистые мускулы и мощные руки. Он оказался больше, сильнее и быстрее меня. Справедливости ради стоит сказать, хоть это и стыдно, но есть в нашей галактике твари и демоны, которые превосходят одного воина Адептус Астартес.

Я понимаю свои таланты, и я понимаю пределы своих возможностей. Я первый поднялся на ноги, сжимая булаву, и обрушил её на встававшего из грязи зелёнокожего. Броня смялась и разошлась. Тёмная кровь повисла туманом в зловонном воздухе, но испортить его ещё сильнее не смогла. Ксенос двигался так, словно и не почувствовал мой удар и сам атаковал большой металлической клешнёй.

– Реклюзиарх! – закричал один из Львов. – Его должен убить Экене!

Разозлённый атакой орка, я перешёл к обороне. Я ранил тварь, но что значат ушибы и порванная шкура для такого огромного монстра? Куров – пожалуй, самый глупый солдат на свете – присоединился ко мне, без всякого эффекта рубанув зелёнокожего саблей. Вожак презрительно ударил с плеча, и я сумел заблокировать клешню меньше чем в ладони от головы генерала. Дождь искр пролился на лицо командующего – для него они выглядели падающими звёздами.

– Назад, – выдохнул я, мои руки дрожали от напряжения. – Это не твой бой.

Хвала Императору – Куров подчинился.

Орк во второй раз бросился на меня и сбил с ног. Я снова поднялся первым, ища в липкой грязи крозиус. Конечно же, когда зелёнокожий встал, оказалось что булава Мордредра у него. Для ксеноса она была всего лишь дубинкой – жалкой дубинкой с разорванной цепью. Я начал отступать, сгорая от стыда с каждым шагом.

На тварь обрушились лазерные разряды. Они оказались абсолютно бесполезными как против брони, так и против плоти, которую пробивали всего на пару сантиметров. Один из Львов прыгнул на орка только за тем, чтобы его перехватили в воздухе и раздавили покорёженными клешнями. Керамит трескался с тем же жалобным металлическим звуком, с каким танки плавилась в химическом огне.

Вожак отшвырнул труп. У меня оставался пистолет, который разрядился ещё час назад, и метр разорванной цепи, которая превратилась в бесполезный кнут. Неповоротливый монстр в металлической броне шагал по болоту из крови наших товарищей.

С дикими криками к нему устремились легионеры, бесполезно стреляя в упор. Я приказал им отойти по двум причинам: гвардейцы не могли причинить чудовищу никакого вреда, и случилась бы катастрофа,

если бы они всё же преуспели.

Кинерик прыгнул на спину орка, обрушив беззубый меч. После каждого удара разлетались брызги искр, но не брызги крови. Вожак взревел, словно карнозавр, и швырнул брата в кучу промокших трупов. Я услышал по воксу, как что-то влажно хрустнуло, и взмолился – вслух и не стыдясь – чтобы это не был позвоночник Кинерика.

– Призрак Императора. Трон Повелителя Человечества, ксенос говорил на готике. Плохо и грубо, но вполне сносно для понимания. Из-за уродливых челюстей я плохо отличал одного зелёнокожего от другого. Этот направил мне в лицо крозиус и произнёс имя моего повелителя.

Нет, не мне в лицо. В лицевую пластину моего шлема. Вечный лик черепа Императора. – Призрак Императора. – Сказал он. – *Призрак Императора.* – Голос был как у недавно проснувшегося из стазиса дредноута. Я не мог понять тогда, и не могу понять сейчас, как живое существо может рокотать подобно вулкану.

– Я – воплощение воли бессмертного Императора, – сказал я сквозь зубы, сжатые, как и на маске-черепе.
– И ты заплатишь за свои преступления против армий человечества.

Вожак неуклюже устремился на меня. Я шагнул в сторону, поднырнул, уклонился, пригнувшись к ставшей ещё нечистивей земле, и хлётко ударил цепью назад. Удар оказался громким, но бесполезным, как и стрельба гвардейцев. Лазерный огонь стал реже – в такой близости они боялись попасть в меня.

– Экене... – произнёс я по воксу единственное слово. Во время девятого витка я схватил крозиус за рукоять, ощутив каждую йоту энергии, которая болезненно запылала в моей плоти. Ксенос вдавливал меня в землю, я стоял на коленях, но разжать руки – значит умереть от собственного оружия.

Сервомоторы орочьих доспехов взвыли от перегрузки, когда монстр замахнулся второй рукой. От клешни было невозможно уклониться, и она врезалась в мою броню. Я услышал такой же влажный хруст, как у Кинерика, и отлетел в грязь. Ретинальный дисплей показывал мне то, что я и так чувствовал – пульсирующую боль по всей левой половине тела. Кости сломались. Боль была такой, что не помогали инъекции адреналина. Предупреждающие руны звенели о биологических травмах и повреждениях доспехов. Я проигнорировал всё. Должен его убить Экене или кто-то другой, но я не потерплю, чтобы мерзкий слизняк завладел моим крозиусом.

Взревевший Дубаку выпрыгнул между нами – ни первое, ни второе не опозорило бы великого зверя, в честь которого назвали его орден. Он протянул руку назад, призывая меня отступить. Я заставил себя подчиниться, хотя ни за что не согласился бы в любых других обстоятельствах. Но сейчас мы сражались за честь Небесных Львов, и наступило время возмездия.

Экене ударил клинком по нагруднику, впившись взглядом в вожака зелёнокожих, закованного в силовые доспехи из оторванных танковых бронепластин. Вокруг нас кипела битва, но я слышал слова кузена столь же ясно, как если бы сам их произносил.

– *В какой бы ад не верила ваша нечестивая порода, ты расскажешь там своим свинячьим предкам, что сдох от клинка Экене из Элициума, Льва Императора.*

Я тогда ещё не знал, что он был последним Львом, который мог сражаться.

Поменялось ли что-нибудь, если бы я знал? Не уверен.

Дубаку атаковал. Его цепной меч бесполезен против клешни монстра, и мало шансов, что он сумеет парировать боевым ножом мою булаву. Нехватку мощи он компенсировал скоростью – никаких блоков, только уклонения.

Битва шла своим чередом. Куров сморгнул кровь, пытаясь перезарядить пистолет. Половину лица командующего снесли каким-то отвратительным грубым ржавым лезвием. Телохранители-штурмовики сражались рядом с генералом, пронзая штыками и стреляя в упор.

Я не видел рядом ни одного Льва. Я не слышал их переговоры по воксу. Никто не ответил на мои оклики.

С брони Кинерика ручьями стекала кровавая слизь. Брат оторвал уцелевшей рукой заляпанный грязью табард и направился ко мне. Вдвоём мы напали на зелёнокожих, которые сильно теснили Андрея и Курова. Первого орка я забил кулаками до смерти, а второго задушил, чувствуя нездоровую первобытную радость, когда видел, как жизнь потухает в свинячьих глазах. Задыхаясь, он царапал слабевшими когтями лицевую пластину и умер в моей хватке.

Я швырнул тушу ксеноса в грязь, и на его лбу появилась выжженная вспышкой дыра. Андрей стоял в нескольких метрах рядом, но из-за шлема-черепи он не увидел, как я инстинктивно зарычал, и приветственно вскинул винтовку.

- На всякий случай, – пояснил он.

- Не делай так больше, – проревел я.

Кинерик убрал ботинок с горла другого ксеноса – последнего нажима хватило, чтобы сломать то, что было у врага вместо трахеи.

Он тихо смеялся, наблюдая как тварь подышает. Потом я написал, что брат заслужил рекомендации для сана капеллана и за другие многочисленные достоинства и за ревностную пронизательность, но в этом личном отчёте я могу признаться, что всё решил именно в тот момент, когда он смеялся над задыхавшимся орком.

Его ненависть чиста – то, что меньшие воины могут назвать жестоким или беспричинным, капеллан называет святым. Кинерик достоин шлема-черепи.

- Где *“Серый Воин”*? – крикнул я генералу, которому грязь уже доходила выше колен.

- Подбит. – Куров повернул изуродованное лицо в мою сторону. Я увидел кость под облезшей плотью, а генерал всё равно продолжал широко улыбаться. – Мы будем горевать по нему позже, реклюзиарх. Капитан! Когда это случилось?

Андрей сражался с загоревшимся блоком управления на плече одного из своих товарищей, пытаясь заставить прибор правильно работать, для чего колотил по нему кулаком.

- Минуту назад. Час назад. Он сломался, ясно, генерал? Это правда и я...

Над нами попал в переделку *“Стервятник”* – из его центральной турбины доносился кашель, потому что ей пришлось пережёвывать пули орков вместо воздуха. Он падал, и пламя уже пробивалось сквозь стальной корпус. Я схватил двух ближайших солдат и бросился в сторону.

Когда они опомнились, то благодарность одного не знала границ. А вот вторым оказался Андрей, который даже и не подумал последовать примеру товарища.

- Это было драматично, я думаю. Да. Да, так и есть. - Он смахнул кровь с усиленного лазгана и попросил дух-машины продолжать стрелять, несмотря на то, что оружие упало в грязь. Рассеявшиеся солдаты из его отделения вновь собрались вместе возле обломков десантно-штурмового корабля.

Ещё больше зелёнокожих несло на нас.

- Убейте их, - приказал я гвардейцам и повернулся, чтобы бежать к Экене.

Недалеко от входа в каньон плавающий гаргант сломал ремонтные мостки, рухнул на камни и вызвал землетрясение по всему ущелью. Я испытал то же самое сомнительное удовольствие, что и во время разрушения храма Вознесения Императора, который обрушился на меня ливнем мрамора и витражей. Только сейчас я не смеялся. От колебаний почвы пузырилась кровь у наших ботинок, а сотни солдат попадали с ног. Я не остановился, Кинерик бежал рядом.

Дубаку и орочий вожак продолжали сражаться, оба истекали кровью из многочисленных ран. Цепной меч бил по сочленениям доспехов и погружался в мягкую плоть. Каждый удар силовым когтем кромсал броню кузена. Сейчас он отступал, как пришлось и мне. Схватка с таким монстром не по плечу одному воину, независимо от упоения гордостью.

Раздался электрический взрыв, подобный раскату грома, зарядивший воздух статическим электричеством. Множество людей и орков закричали от боли из-за звукового удара.

Шлем защитил меня, хотя предупредительные руны звенели о внезапной атмосферной неустойчивости. Между пальцев змеились молнии. Пергамент на броне загорелся. В самом воздухе ощущалась рассеивающаяся мощь, словно я вдыхал дыхание другого живого существа.

- Щит! - закричал Кинерик, сжав мой наплечник уцелевшей рукой. - Орбитальный щит!

Я посмотрел вверх и не увидел перламутровые волны кинетического барьера. За те часы рукопашной, пока я сражался рядом со Львами, легионеры заминировали генератор пустотного щита. Один Император знает когда, где и как. Я отбросил свои иллюзии - и намерения - об общем руководстве операцией. После вылета из Хельсрича командование перешло офицерам Имперской гвардии.

Щит ещё не до конца исчез и статические разряды с треском разлетались во все стороны, когда на ретинальном дисплее зазвенела руна мощной и приоритетной вокс-частоты. Я активировал её, наблюдая как Экене и орочий вожак, пошатываясь, кружат друг вокруг друга - два израненных зверя слишком гордые, чтобы умереть.

- Брат, - раздался голос, от которого моё сердце воспарило.

- Вы ещё здесь.

- Пока. Ненадолго. Скажи, если мы нужны тебе, Мерек. Просто скажи.

Руна с именем Хелбрехта свирепо пульсировала красным и золотым. Я продолжал мчаться к Дубаку и ответил на бегу.

- Сделайте это, - приказал я повелителю. - Затмите небеса.

Экене повергли раньше, чем я добежал до него. Ксенос сжал руку Льва покорёженными клешнями, начисто оторвав её выше локтя. В ответ вожак прайда неловко ударил цепным мечом в горло твари. Клинок скользнул по броне и всего лишь слабо поцарапал орка. Эта атака стоила Дубаку левой ноги -

металлическая клешня перерезала её в колене и швырнула Экене спиной в грязь.

Спустя удар сердца я прыгнул зелёнокожему на спину – помня, что однорукий Кинерик не смог на ней удержаться – обернул цепь от оружия вокруг кровоточащей потной шеи монстра и упёрся ботинками в его доспехи. Цепь туго натянулась, и мои сломанные кости пронзила ослабленная лекарствами боль. Из орочей глотки донеслись хрип и треск сухожилий. Он колотил меня металлической клешнёй, откалывая куски керамики. Вожак шатался – но не падал. Тяжело дышал – но не задыхался. Я душил ксеноса последним своим оружием, но так и не мог убить. Всё что я мог сделать – дать время Дубаку отползти.

И он полз. А Кинерик ждал с болтером в оставшейся руке. Искалеченный Лев добрался до него. Сжал пистолетную рукоять, перевернулся на спину в липкой жиже и направил оружие вверх.

Я подался назад. Получилось не так, как я хотел, но достаточно, чтобы добавив вес к силе натянуть цепь ещё туже, запрокинув голову монстра назад, и открыть его горло.

Я услышал грохот болтерного выстрела, и что-то тяжёлое ударило рядом с цепью. Раздался глухой взрыв, голова отлетела, кувыркаясь над плечами, и шлёпнулась рядом со мной в грязь. Закованное в броню тело стояло – хотя выше шеи не осталось ничего – слишком упрямое и сильное, чтобы упасть.

Первым делом я вырвал крозиус из пальцев орочьего вожака, а затем кинул голову с отвисшей челюстью лежавшему Экене.

Яростное сражение продолжалось – мужчины и женщины, которых я привёл, пробивались вглубь ущелья.

При благоприятных атмосферных условиях между стартом десантной капсулы и приземлением проходит меньше двух минут. Лев смотрел на потемневшее небо. Мне это было не нужно, как и Кинерику. Дубаку никак не отреагировал – только попробовал подняться как можно выше и стянул шлем.

- Помогите мне встать. Я не могу встретить верховного маршала, лёжа на спине.

Кинерик и я поставили Экене между собой. Одновременно на нашей общей частоте с Имперской гвардией раздались ликующие крики – Хелбрехт затмил небеса десантными капсулами Храмовников.

Эпилог

Прощания

Осталось упомянуть о трёх далёких от поля боя событиях. О моих последних действиях, прежде чем *“Вечный Крестоносец”* покинул Армагеддон.

На первое ушло три дня и три ночи. Я запомнил имена и полки всех солдат Стального легиона, которые погибли в ущелье Манхейма, и выбил их на колонне из чёрного мрамора во внутреннем дворе у фундамента нового храма Вознесения Императора. Собор закончили возводить годы спустя после того как мы улетели.

Я лично вырезал все шесть тысяч восемьсот одиннадцать имён и выгравировал их сусальным золотом на чёрном камне.

Над ними на простом низком готике я написал:

Спасённый город

и сыновья Императора

навечно запомнят их имена и деяния.

Честь их жертве,

хвала их храбрости.

Эти слова вырезал Мерек Гримальд,

реклаузиарх “Вечного Крестоносца”, сын Дорна и герой Хельсрича.

Там были и имена генерала Арваля Курова и капитана Андрея Валатока.

Вторым стало прощание с магистром ордена Небесных Львов Экене Дубаку, который с несколькими выжившими воинами отправлялся на ударном крейсере Чёрных Храмовников “Клинок Седьмого Сына” на далёкую планету Элизиум.

Бионическая нога лязгала о палубу, и он всё ещё хромал – организм пока не приспособился к аугметике. На нём была древняя золотая броня чемпиона Имперских Кулаков – дар из залов памяти “Вечного Крестоносца” – а через плечо элегантно переброшен красно-чёрный плащ одного из Братьев Меча верховного маршала. В более удачной жизни и я носил такой плащ. Я знал только, что Хелбрехт подарил его Экене, когда заставил Льва принести клятву власти и возглавить обескровленный орден.

Почётный караул, желавший ему доброго пути, состоял из меня, Кинерика и рыцарей дома верховного маршала, облачённых в церемониальные табарды.

– Магистр ордена. – Я склонил голову, прощаясь. Кинерик поступил также.

К бедру Экене цепью из чёрного металла был привязан отполированный череп убитого нами орочьего вожака. На нём рунами вырезали моё имя, как и имя Кинерика рядом со знаком самого Дубаку. Воистину честь, когда твоё имя находится на главном трофее магистра ордена.

– Это может показаться таким незначительным, – улыбнулся Лев, – грандиозная месть там, где погибли мои братья. Но это не так. Спасибо, спасибо вам обоим.

Кинерик промолчал и согласно склонил череп-шлем. Я же не смог удержаться от прощальной нотации.

– Месть не может быть незначительной, магистр ордена. И всё же иногда стоит ударить, приняв помощь верных братьев.

Он сложил руки символом крестоносца:

– Я запомню это.

Время течёт, и я искренне надеюсь, что его усилия по воссозданию Небесных Львов и подготовке следующего поколения проходят успешно.

Больше мы никогда не встречались. Экене поклялся жизнью защитить то, что осталось, а Чёрные Храмовники всегда двигаются вперёд, чтобы атаковать.

Третье и последнее событие достойное упоминания произошло прямо перед тем как *“Вечный Крестоносец”* покинул орбиту Армагеддона. Я в одиночестве стоял, опираясь на поручень, возле огромного окна в зале Первого воззвания и смотрел на пылающий, несчастный и бесценный мир внизу.

Я не обращал внимания на шаги сзади до тех пор, пока не понял, что идут двое, но только у одного из них гудит силовая броня.

Я обернулся и увидел Кинерика, который сопровождал человека, державшего руки в карманах. Люди не заходят сюда. Я не мог вспомнить, когда кто-то из них был здесь в последний раз. Но казалось, что вошедшего совсем не впечатлило происходящее, и он смотрел не на реликвии, а только на меня.

- Эй. Да, вы. Я не умер, ясно? Вы сами видите это очень хорошо. Вернитесь и вычеркните моё имя, да? Я требую, чтобы вы сделали это.

Кинерик повернулся к выходу, выполнив обязанности сопровождающего, и оставляя меня в крайне неловкой ситуации. На нём был шлем и я не видел, какое у брата выражение лица, но подозреваю, что его забавляло происходящее.

А меня - нет.

- Твоё имя попало в списки убитых, - абсолютно искренне ответил я.

Стройный легионер зачесал пальцами волосы на голове назад и прищурился... Не знаю, какое чувство или эмоцию он хотел показать. Гвардеец выглядел рассерженным или огорчённым или возможно изумлённым.

- Мне спеть или станцевать в вашем музее, чтобы вы поняли, что я жив?

- Прошу тебя не делай ничего подобного.

- Нет? Отлично. Значит, я вычеркну своё имя сам. И тогда может быть мне снова начнут платить жалование, а? Вы знали, что после того как вас вносят в списки убитых, то прекращают выдавать зарплату? Теперь у меня имя героя, но нет денег. Ваш брат Кинерик привёл меня к вам. Он сказал мне, что вы всё исправите.

Вокруг нас задрожал корабль.

Глаза Андрея расширились от изумления.

- Нет, - произнёс он, как если бы человек мог сказать всего одно слово и остановить неизбежное. - Нет, нет, нет. Корабль движется. Это неприемлемо. Если я улечу от войны, то меня расстреляют за дезертирство, и я на самом деле умру. И, - продолжил он глядя мимо меня на планету внизу, - мне так и не заплатят.

Как его могут расстрелять за дезертирство, если поблизости нет его полка? Я не понимал ход его мыслей и не знал, что сказать. Поэтому молчал.

- Остановите корабль, хорошо? - Он потянулся за защитными очками на шлеме. - Да. Сделайте это,

пожалуйста. Я извиняюсь за свои сердитые слова.

“Крестоносец” снова задрожал. В десятках палубах от нас тысячи рабов загружали топки, запуская огромные приводы двигателей. Мы уже покинули высокую орбиту. Звёзды начали двигаться.

- Если ты побежишь, - предложил я, - то можешь успеть в ангар с шаттлами. Я распоряжусь по воксу, чтобы тебя пропустили.

Андрей кивнул, его глаза заблестели, и он начал пятиться к выходу.

- Да. Пропустили. Это будет хорошо, а? Где ближайшие шаттлы?

- Примерно в двух километрах отсюда, если двигаться по главной магистрали вдоль центрального хребта корабля.

Он остановился и побледнел:

- Пожалуйста, скажите, что вы шутите.

- Можешь начинать бежать, капитан.

Он посмотрел на меня, покачал головой в едва уловимом человеческом изумлении, которое я не смог до конца понять, и бросился бежать.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Кровь_и_огонь/_Blood_and_fire_\(новелла\)&oldid=12435](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Кровь_и_огонь/_Blood_and_fire_(новелла)&oldid=12435)

Эта страница в последний раз была отредактирована 17 апреля 2020 в 11:05.